

Николай
Бахромин

ФИЛОЛЕТОВЫЙ
ТЮМ

Николай Бахрошин

ФИОЛЕТОВЫЙ ГНОМ

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176301
Фиолетовый гном: Астрель: АСТ; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-052116-6, 978-5-271-20954-3*

Аннотация

Путь к успеху долог и труден, – и мало кто задумывается, что ждет его там, на вершине...

Деньги? Конечно.

Доступные за строго определенную цену красавицы? Разумеется.

А как насчет любви?

Или дружбы?

Или нормального человеческого счастья?

Сергей Кузнецов прошел «путь наверх» на удивление легко, – и, взбираясь, шаг за шагом к богатству и независимости, даже не понимал, чем жертвует в погоне за призраком удачи.

Теперь у него есть все кроме счастья.

Так может быть, еще не поздно бросить все и начать жизнь с чистого листа?..

Содержание

Часть I	4
1	8
2	16
3	24
4	55
5	66
6	72
Часть II	86
1	90
2	102
3	108
4	112
5	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Николай Бахрошин

Фиолетовый гном

Часть I

По следу динозавров

По вечерам, выходя на террасу греческого дома, Серега Кузнецов садился смотреть на море.

Было в этом нечто показательно-романтическое – смотреть на море по вечерам. Хотя, если честно, просто таращить глаза на разлив соленой воды скоро становилось скучновато. Для настроения Серега брал с собой упаковку баночного пива, блюдец с маринованными оливками и псевдоглиняную кружку «привет с Родины», со стенки которой зубасто улыбалась мохнатая медвежья морда. С этим богатством устраивался в шезлонге на просторной террасе второго этажа, продуваемой всеми здешними ветрами по очереди. Так можно было смотреть.

Кажется, море было Ионическим, хотя за точность названия Серега бы не поручился. Много раз собирался спросить, какое здесь море, и всегда забывал в последний момент. А теперь уже и спрашивать стало стыдно, почти абориген, без пяти минут местный житель, неудобно спрашивать такие ве-

щи. Греки могут обидеться за свое море, они, вообще, обидчивые, как кавказцы, давно заметил он.

Сидел. Смотрел.

Темнело по-южному быстро, крупные звезды, проявляясь в небе, складывались в привычный узор созвездий, а условно Ионическое море терпко пахло и шелестело прибоем.

Конец апреля...

Сезон еще не открылся. Песчаная прибрежная полоса казалась пустынной даже дальше по изгибу бухты, где высились над холмистой зеленью кубические корпуса гостиниц, расчерченные клеточками-лоджиями до прямолинейной четкости шахматных досок.

Какая-то жизнь, впрочем, там уже началась. Вечерами часть номеров освещалась, а по утрам, видел он из окна, кто-то загорал на пляжах под пластиковыми грибочками с бело-синими крышами. В воду, правда, почти не лезли, жарились пока на сухую. Море действительно еще оставалось холодным, почти обжигающим. С утра, если в голове оставалась похмельная муть, Серега заныривал туда для оттяжки, и помогало. Но на суше припекало уже основательно, грело, как полноценным летом в Москве.

Теплая страна – Греция. Страна-картинка, с белыми, сахарными домиками под красными крышами. Яркая, глубокая лазурь неба, просторная синева моря, сочная зелень, благоухающее цветение незнакомых трав, красные маки, растущие вольно, как сорняки, ослепительный блеск отражающе-

гося от всего солнца – от этого бесконечного, карнавального великолепия перед глазами даже устаешь...

Ему говорили, что в сезон здесь, на побережье становится оживленно и шумно, но Серега пока не имел случая убедиться в этом. Как-то не получалось, не выбирался в сезон в свое греческое владение. Хотя его дом стоит на горе, в отдалении от поселка и гостиниц, так что очень шумно не будет, прикидывал Серега. Все-таки европейский шум против нашего – одно название. Здесь даже шум цивилизованный, негромкий и ненавязчивый, чтоб, не дай бог, не ущемить права соседнего лежака. Их бы на Черноморское побережье в разгар все-российского отдыха – вот там и шум, и сопровождающий запах, и гнилостный привкус антисанитарии. А здесь – Европа... Что с нее взять кроме умильной теории капитализма с человеческим лицом?

Сидел... Смотрел как вечное море сливается у горизонта с не менее вечным небом. Греция все-таки страна руин и древних богов, лукаво подмигивающих из-под христианских икон...

После жаркого дня прохлада была приятна, ветерок ласково обдувал подожженную кожу, а пиво и море настраивали на философский лад. Что больше? Трудно сказать, обе субстанции одинаково жидкие и текуче-меланхолические...

Спрятавшись на греческом побережье от навалившихся московских проблем, можно спокойно думать и, не торопясь, вспоминать...

Ему уже давно не было так спокойно...

1

Однажды Серега Кузнецов совершил героический поступок. Покусал льва в зоопарке. Кажется, в ночь с пятницы на субботу...

Лев был очень удивлен. Столько лет в зоопарке, старожил, можно сказать, и никто его никогда не кусал. Да и кто осмелится?

А тут – Серега. Рычит, как зверь, и выражается, как скотина.

Впрочем, может, это был и не лев. Может, он покусал какого-то другого зверя, пониже рангом. На следующее утро Серега отплевывал изо рта остатки рыжей шерсти, жесткой как сапожная щетка, и гадал, кого же он покусал? Лев это был или не лев? Однажды он видел по телевизору, как «в мире животных» лев в быстром прыжке завалил на траву волосатого буйвола, огромного, словно скала. Поди, покусай такого...

Сомнительная, в общем, история. И друг Жека, и напарник Федоров, сослуживец по охране парфюмерной фирмы, с которыми он вместе выпивал по случаю перехода пятницы на субботу, уверяли его на два голоса, что точно был лев, была клетка и Серега туда полез от широты дури, и там рычал и возился с кем-то, тоже рычащим.

Может, все-таки сторож? – предположил Серега. Про-

сто рыжий, допустим... Просто встретились два одиночества на зарешеченной территории московского прайда и начали обычное сражение за охотничьи уголья под любопытствующими взглядами семейства львов...

Нет, что бы ни говорили, сомнительная история. Серега сомневался. Он, вообще, плохо помнил остаток вечера. Как вышли с работы с напарником Федоровым – помнил, как встретили Жеку у метро – помнил, как пили пиво, как зашли в стеклянное кафе, где флегматичный кавказец подавал им водку и свежеразмороженные отбивные – тоже помнил. Но уже сквозь туман. Дальше – провал. С ним такое бывает. А с кем не бывает?

Потом они втроем убежали от ментов по извилистым, путаным переулкам центра Москвы. Это он снова помнил.

Убежали. Еще выпили по такому случаю. Взяли в ночном киоске бутылку «Зубровки». Тут же, у киоска, сидя за пластмассовым столом на неудобных пластмассовых стульях, разлили ее по пластиковым стаканчикам. Закусывали чипсами и чуть теплой пиццей, в которой, вспоминалось ему, тоже был привкус пластмассы.

Хорошо посидели. Душевно и неторопливо. Серега смотрел снизу вверх на яркие летние звезды и разговаривал с Жекой и Федоровым за жизнь. Жека, как обычно, подшучивал над всеми и всем, а Федоров рассказывал им, что разводится сейчас с женой. Много хочет зараза. Поэтому – мало получит. Его, Федорова, она точно никаким образом больше

не получит. Он, Федоров, теперь вольный казак, хочет – выпивает, хочет – закусывает. Еще локти будет кусать, глупая баба!

Насмешник Жека коварно, как иезуит, соглашался, провоцируя Федорова на дальнейшие восхваления себя и унижения глупой бабы, а Серега с высоты своего немалого роста смотрел на пожилого, дерганного, словно потраченного моллю Федорова и не верил, что его жена будет локти кусать.

Сам он к тому времени уже давно развелся. Женился сразу после армии и прожил с женой три года. Срок получился на год больше, чем армия. Два года в армии плюс три года с женой, всего пять лет получается. За вооруженное ограбление столько дают. По приговору суда. Но тут хоть знаешь, за что сидишь. А ему за что пятерик отломился, если вдуматься?

На самом деле, в армии – беги, подай, принеси, чего сидишь, почему стоишь. Бесправнее человека, чем солдат срочной службы, трудно себе представить. Женился – опять то же самое. Чего разлегся, посуду помой, мусор вынеси, где деньги, почему вином пахнет?

Ненавижу! – как часто говаривал Жека, емко определяя ситуацию одним словом.

После развода Серега решил для себя, что будет гонять Дуньку Кулакову до посинения причинного места, но больше его в ЗАГС ни одна стерва не затащит. Хорошее дело браком не назовут, народ зря не скажет...

Все это он пытался объяснить ночью приятелю Федорову, но тот его, похоже, не слушал. Переживал вслух будущий развод с женой. Все хорохорился. Нашел о чем переживать, дурилка картонная. Он, вообще, смешной, этот Федоров. Все петушится, и по делу, и без дела, пыжится, скандалит со всеми подряд, все пытается доказать какую-то свою правоту, абсолютную, как приговор. А зачем? Комплексы, застарелые, как ревматизм, ничего больше, считал Серега.

В общем, проснулся он в субботу в своей квартире, настроение гнусное, состояние и того хуже. Одно светлое пятно – льва покусал. Почти подвиг Геракла. Да и то под большим вопросом, как и большинство мифологических подвигов...

Так они и опохмелялись до понедельника. С напарником Федоровым, казаком не молодым, но вольным.

Да, именно такое было настроение – все трын-трава, завей горе веревочкой, пусти дым коромыслом, вспоминал он потом.

А что? Геракл в свое время тоже потрепал какого-то льва и тем прославился...

– Знаешь, мужик, по-моему, ты спиваешься, – сказал ему как-то Жека, Женька Малышев, лучший друг еще со школьных времен.

– С чего ты решил? – поинтересовался Серега.

– Сам посуди. Работы у тебя были одна другой интеллек-

туальнее – то дырки сверлить, то коробки таскать, то кирпичи класть. Теперь вот штаны просиживаешь перед входом в офис. Живешь ты один и, следовательно, здоровую ячейку общества, где бы тебя ежеминутно держали на поводке и выгуливали под присмотром, не создал и даже не собираешься...

– А кто виноват? – вставил Серега.

– Ну, я же просил... – сразу смутился Жека.

– Ладно, ладно, я не упрекаю, к слову пришлось. Излагай дальше, – великодушно разрешил Серега.

– Ну, вот. Если учесть то, что весь ассортимент соседнего винного магазина представлен у тебя на кухне в виде пустых бутылок, то вывод напрашивается однозначный – спиваешься и деградируешь. Становишься явным пролетарием, мечтающим пропить все цепи капитала разом за отсутствием другого движимого имущества. Такая вырисовывается печальная картина нездоровых тенденций...

– На себя посмотри! – возмутился Серега. – Кто притащил сюда большую половину бутылок?!

– Половина не бывает большей или меньшей. Половина – может быть только половиной, одной второй или ноль запятая пятой. Ничем иным, запомни это на будущее, Серый брат, – нравоучительно заметил профессионал пера Жека. – А смотреть мне на себя нечего – ничего хорошего не увижу, догадываюсь без подсказки зеркал. Мне, между прочим, по должности положено пить горькую и запивать сладким. Я,

как журналист-газетчик, должен расходовать свой бессмертный талант на потребу дня, а в свободное время – рефлексировать и спиваться от недостатка времени на великие произведения, способные потрясти мир до устоев.

– Хорошо ты устроился, – проворчал Серега.

– Спасибо, не жалуюсь.

Бывший школьный друг Жека действительно работал журналистом в молодежной газете. В школе он писал стихи, учась на журфаке – рассказы, а теперь, как он говорил, строчил заметки, периодически меняя издания и подруг. Серега помнил, в школе Жека был тонким, как струна, кудрявым блондинчиком, восторженно читающим стихи наизусть и отчаянно мечтающим кого-нибудь трахнуть. Спустя десяток лет он стал в два раза толще, брил голову, чтобы скрыть лысину, но все так же цеплялся за каждую новую женщину, как за откровение свыше. Тоже – неизбывный романтик половых отношений...

Они дружили. Началось все очень давно, еще в детском саду. В детстве Серега был сильным, а Жека – пронырливым и проказливым. Вместе – сладкая парочка, уже основание для дружбы. Когда выросли, Серега остался спокойным и сильным, а Жека – непоседливым и неудовлетворенным. Вместе – взаимное дополнение плюс Серегина холостяцкая хата к его услугам. По сути, считал Серега, Жека оставался все таким же непоседливым пацаном, как в школе. Только теперь это был толстый и грустный мальчик, который

предпочитал держаться навеселе. Но писал он действительно здорово. Остроумно. Серега периодически читал его статьи, причем с удовольствием.

– Значит, тебе можно спиваться, а мне нельзя? – уточнил Серега.

– Что позволено Юпитеру... Дальше сам знаешь.

– А если Юпитеру по рогам?

– Будет больно, но все равно не аргумент...

Обычный разговор, в общем, ничего особенного. В то время они с Жекой часто говорили друг другу мелкие гадости. Старый друг – не тот, кто все медом мажет, а с точностью наоборот. Не медом, далеко не медом, другими словами... Серега вряд ли запомнил бы этот разговор, но это был его день рождения. Как раз накануне ему исполнилось тридцать три года. Возраст Христа, как говорят...

Нет, тридцать три – хороший возраст. Молодой, здоровый, сильный и уже умудренный кое-каким опытом, уже не хочешь от жизни всего, но еще веришь – что-то все-таки будет. Живи – не хочу, как говаривал покойный батя.

Вот только жить почему-то уже надоело...

На день рождения Серега никого не приглашал. В те времена он свой день рождения вообще не праздновал. Не получалось. Настроения не было. Не оставалось настроения к моменту его символического появления на белом свете. Слишком рано начинал разминаться по-жидкому. Да и не такой это праздник, если вдуматься. Серега никогда не понимал,

почему многие из своего случайного появления на белом свете стремятся сделать всенародное торжество. Все равно не получается, кстати...

Без приглашения пришел один Жека. Пришел, увидел, нахамил для начала.

Старый друг... Уже можно и так сказать...

Жека подарил кожаный бумажник и бутылку коньяка. Коньяк они тут же распили, а Жека, под благодостное настроение, выпросил у Сереги ключ от квартиры на послезавтра.

Серега пообещал и назвал его старым козлом. Жека ответил ему заплесневелым мухомором. Хорошо посидели, душевно...

2

У Сереги Кузнецова было два достоинства, которыми он гордился всю жизнь: богатырская стать и абсолютная, непрошибаемая невозмутимость. Деревянность, как называла это его бывшая жена. Б. супруга, так он сам ее называл.

С телосложением ему повезло – это точно. Рост у него был метр девяносто два и мускулатура соответствующая. На это клевали женщины. А Серега пользовался, конечно. Потом, годы спустя, проститутка из города Таганрога объяснила ему, что, конечно, он не красавец, не Алэн, его мать, Делон. Но это не важно. Потому что Серега значительный. Большой. А на женский взгляд, это даже лучше. Мужская красота, вообще, вещь относительная.

Серега запомнил ее слова. Многие объясняют про женщин, решил он.

Она работала диктором местного телевидения и подрабатывала проституцией среди отдыхающих и командировочных. Симпатичная девка. Слегка истеричная, как все проститутки, но умная. Брала дорого, хотя того стоила. По крайней мере, с ней Серега от души отрывался почти неделю, почти как с искренней, а не наемной подругой...

Серега не был красивым и знал это. Еще в седьмом классе, подолгу разглядывая себя в зеркале, он пришел к такому неутешительному выводу. Раньше просто не задумывал-

ся. Да и что тут думать, подкачалось личико. Нос – обычный, без четких победных линий, брови и ресницы жидкие, волосы – тоже обычного, средне-арифметического каштанового цвета, расстраивался Серега. Вот фигура – ничего, хорошая, спортивная, мускулы перекачиваются, тут нет претензий, он много занимался боксом и тяжелой атлетикой. Был самым сильным в школе.

Значительный?

Ты, Серега, такой большой, что, кажется, и в штанах у тебя скрывается нечто не менее грандиозное, утверждала, помнится, дикторша-проститутка.

Сомнительно, все-таки...

Если честно, то в штанах у него было семнадцать сантиметров. Замерял в девятом классе. После армии тоже разок замерил. Нет, семнадцать сантиметров так и осталось.

Просто нормально. В пределах. Серега на этот счет не обольщался. Впрочем, видимость – это тоже важно. Повезло ему с телосложением.

Невозмутимость – также полезное качество. Многие принимали ее за серьезность. В школе учителя, например.

– Вот взять, например, Сережу Кузнецова... – говорили они на родительских собраниях. – Туповатый мальчик, звезд с неба не хватает, но ведь старается же, учится как может. Недалекый мальчик, но прилежный...

С чего они решили, что он старается? И почему остальные

лоботрясы и троечники, выходит дело, хватают руками звезды с неба? Серега этого никогда не понимал. Но за старание ему ставили тройки, а иногда – четверки. Его это устраивало, учиться он не любил. Предпочитал читать книжки вместо того, чтоб корпеть над тоскливыми уроками.

Потом, став взрослым, Серега понял, почему учителя считали его туповатым.

Во-первых, он всегда был большим и сильным и, следовательно, недалеким уже в силу телосложения. Ничего не поделаешь – расхожий штамп человеческих отношений...

Во-вторых, у него была замедленная реакция, особенно – в юности. К счастью, только в разговоре. В боксе, например, или на борцовском ковре у него никакой замедленной реакции не наблюдалось. Тело само, без подсказки находило ритм движений. А начнет с кем-нибудь общаться – двух слов связать не может. Слова подбираются долго, трудно, пока решит, что ответить, диалог уже раскручивается дальше. И снова нужно что-то придумывать, и опять он не успевает...

Обидно. Особенно обидно было в розовом возрасте, когда так неуклюже складывалось общение с симпатичными девочками. Собеседница, бывало, уже уйдет, а он вспоминает прошедший разговор и придумывает его заново. Вот он сказал, она ответила, а он так сказал, она заинтересовалась, а он еще это сказал... Мысленные диалоги получались интересными и остроумными. Куда интереснее настоящих. Жалко, что их никто никогда не слышал...

Со временем у Сереги даже выработалась своя, особая манера говорить. Он никогда не торопился ответить, а тем более перебить собеседника. Он слушал. Он, вообще, предпочитал слушать. А если вставлял что-нибудь в общий разговор, то предварительно формулировал фразу в уме. Получалось неторопливо, немногословно и по-мужски скупое. Многим нравилось. Женщины считали его многозначительным.

В общем, потом он решил, что учителя зря называли его туповатым. Конечно, это было уже неважно. Так, мимолетное воспоминание...

Теперь, когда Серега коротал время в собственном доме на греческом побережье, когда ему, если быть точным, уже сорок три, – все это вспоминалось как предания из глубины веков. В прошлой жизни, в прошлом веке, в прошлом тысячелетии... Молодой был... Вроде бы даже не он...

Но ведь было!

Вилла у моря завелась у Сереги случайно. Партнер по бизнесу был должен крупную сумму, отдавать нечем, предложил в счет долга недвижимость. Серега согласился, и тот сам оформил все документы.

Если честно, коммерсант был должен не лично Сереге, а фирме, где Серега являлся вице-президентом. То есть даже не первым, а всего лишь вторым лицом, если уж выстраивать условный табель о рангах.

Но, чтоб не путаться с налоговой, должник оформил свою

недвижимость непосредственно на Серегу, как на частное лицо. Тогда, в горячке, на это не обратили внимания, отдал и отдал, что называется, хоть шерсти клок – да состригли. Дело не деньгах, их крутая макаронная «лавочка» с месячными оборотами в десятки миллионов долларов и без этого паршивого долга не оскудела бы, дело – в принципе. Должен – отдай, не грехи, из себя вынь, но положиь взад в обещанный срок... Прояви уважение, как говаривали крестные сицилийские папы, знающие рыночную стоимость авторитета с точностью до последнего цента...

Таким образом, неожиданно для себя, Серега оказался владельцем недвижимости на юге Европы.

Дом оказался хорошим. Красивый домик. С виду выглядел почти старинным, две стройные башенки по углам даже намекали на времена щита и меча. Красная крыша хорошо гармонировала с серым камнем стен, такой же каменный, нарочито булыжный забор вокруг закрывал, но не загромождал. Но старым дом не был, просто стилизованный новострой. Продуманный и удобный. Дело даже не в восьми комнатах, не в евроремонте и дорогой мебели натурального дерева. По сути, любой ремонт, произведенный в Европе, не назовешь иначе, как евро, не погрешив против смысла. Сам дом был каким-то очень уютным, обжитым и на удивление спокойным. Располагающим к долгому и ненадождающему отдыху...

Да, уютный – это, пожалуй, точное слово, думал теперь

Сергея. Разлапистые деревья в небольшом дворике принимали на себя первый удар палящих лучей, чуть затемняя, словно слегка тонируя окна. Толстые стены сохраняли прохладу даже без включения кондиционеров, табачный дым не клубился в комнатах, а незаметно исчезал под высокими потолками. На самой верхней террасе было удобно загорать, на двух остальных – просто сидеть. Море было видно почти из всех окон, глянул мельком – а за окнами, за просветами между пахучих местных сосен (или пихт, или как их еще?) лазурное море. Это оказалось приятно, случайно замечать море...

Симпатичное, в общем, местечко. Пряничный замок маркониона короля Сергея Первого, как сказал Жека, когда они вдвоем подъехали сюда на такси от аэропорта в Солониках неделю назад.

От избытка чувств старый друг немедленно предложил собственноручно написать на булыжном заборе выразительное слово из трех или, например, пяти букв. Чтоб, значит, подчеркнуть менталитет хозяина перед соседями и заодно, в пику чопорным европейцам, отразить свое истинно русское, цинично-спокойное отношение к половой проблеме. А если, допустим, Сергей выберет в качестве надзаборного логатипа слово из пяти букв, разглагольствовал Жека, то его лучше всего писать через «е». Именно написание данного слова через «е» вопреки принятой грамматике – менталитет не просто подчеркивает, а прямо обозначает.

Сергея немного подумал и сообщил ему, что не знает, как здесь, в Греции, но в России даже дети детсадовского возраста в курсе, что женский половой орган из пяти букв пишется через «и». И следовательно, любая ошибка в этом знаковом слове менталитет только перечеркнет.

Действительно, негоже позорить родную грамматику перед глазами взыскательных европеоидов, согласился Жека. Не за то боролись наши деды-прадеды в свое непростое время, когда деревья были большими, а удои с урожаями – маленькими. Но если через «и», тогда сразу – несмываемой красной краской, под тон черепицы...

Идея несмываемой краски Сергею не слишком понравилась. Впрочем, если волшебное слово поперек забора поможет Жеке справиться с приступом ностальгии, то он, Сергей, в принципе не против любой трактовки. Только краску пусть ищет сам, в данном конкретном случае – гусь свинье не товарищ. И лучше все-таки смываемую. Как пожелание хозяина.

Жека, видимо, уже представлял себе кокетливый забор в украшенном варианте и восхищенно всхрапывал...

Усатый, широколицый таксист-грек с темными, выразительными глазами внимательно слушал их филологический диалог. Может, в связи с наплывом туристов из страны без изучал русский язык?

Если разобраться, то здесь, в Греции, он оказался в чем-то благодаря Жеке, вспоминал Сергей, обходя свой пижонский

дом с остроконечными башенками. Только все началось давно, так давно, что сам Малышев, наверное, и не помнит тот промозглый ноябрьский вечер. А ведь именно он притащил Серегу на случайный день рождения, где Серега познакомился с Таней. С его Десантницей...

Интересно, почему тот давний случай со львом накладывается в воспоминаниях на знакомство с Таней? – вдруг задумался он. О чем-то говорит с точки зрения психологии? Или просто все перепуталось в голове?

Да, при чем тут лев? Совсем ни при чем, то есть – абсолютно. Когда они познакомились, ему уже стукнуло тридцать четыре. Это Серега опять-таки точно запомнил, потому что она первым делом спросила – сколько ему?

Тридцать четыре? А сразу не дашь, выглядишь ты, гражданин, монументально, но молодо. Хорошо сохранился, молодец, одобрила она.

Жизнь была легкая и веселая, усмехнулся Серега.

Таня объяснила, что с мужчинами до тридцати не встречается принципиально. Мол, это не мужики, это пока еще дети, им еще надо сопلي утирать и пеленки менять, а она – не по этой части.

Сомнительная теория, сразу подумал он. Зато девица хороша без сомнения...

3

– Мой первый муж был садист, – рассказала она. – Ему нравилось делать мне больно. Это я заметила еще до свадьбы.

– А зачем женилась? – спросил Серега.

– Замуж выходила, – поправила она. – Я замуж выходила. Потому что я женщина. А он женился. На мне. Потому что он – мужчина.

– И садист.

– Точно! – подтвердила она.

– Потому что на тебе женился, – добавил Серега.

– А ты не смейся...

– А я не смеюсь.

– Значит, иронизируешь. Это еще хуже.

– Почему хуже? – удивился Серега.

– Смех – это от глупости. А ирония – от презрения. То же самое, только подлее, – объяснила она.

Очень рассудительно объяснила. Она вообще была самостоятельная девушка, сразу заметил он.

Таня. Танька. Танечка. Красивое имя.

Ему всегда нравилось это имя. Кстати, Танечка Соловьева – имя его первой любви...

Да, именно так все было... За темными окнами – промозг-

лый, осенний вечер. Случайная компания, где он почти никого не знал. Незнакомая квартира стандартной планировки панельных домов с типовым набором из стенки и мягкой мебели. Довольно просторная квартира, показалось ему тогда. Две комнаты и кухня отданы на разграбление и поругание гостям, третья комната вроде бы даже заперта. Или кто-то там заперся изнутри.

Домашний праздник...

Длинный стол, составленный из двух или трех, связанных между собой в единое целое белой скатертью. Разнокалиберные стулья вперемешку с остроугольными табуретками. На столе – изобилие салатов, мохнатых от майонеза, и разлапистые блюда с нарезками. Бутылки с вином и водкой, как шпильки еще не взятой крепости, в окружении частокола пластиковых лимонадов. Как гвоздь программы был обещан печеный гусь, пах на всю квартиру, регулярно вспоминался присутствующими, но его мясной выход почему-то задерживался.

Слава богу, хоть не гнали курить на площадку, дымили прямо за столом, и табачный дым, слоями извиваясь по комнате, немного смягчал чопорность разукрашенного стола.

Было довольно много народа, и почти все, кроме него, друг друга хорошо знали. Выпивали, закусывали и общались между собой по уже устоявшемуся трафарету. Кто-то острил, кто-то спорил, кто-то изображал из себя. Как обычно. Тосты, слова, звяканье, чоканье... Вам налить – непременно

налить, чокнемся – и так чокнутые, передайте колбаску, пожалуйста... Обязательно передадим! Со всей обоюдной симпатией к колбасе... А салатик, салатик-то не желаете? Почему же салаты никто не ест, дорогие гости?!

Водка была дешевой, разговоры вертелись вокруг интриг в некой фирме. Как понял Серега, почти все присутствующие в ней работали.

Ничего особенного... Обычная компания, в меру скучная для случайных гостей...

Чей это был день рождения? Хотя бы мужской или женский? Этого Серега тоже не мог потом вспомнить. Хозяйка квартиры точно была женщина, чуть за тридцать, блондиночка с приятным лицом, но излишне мясистой фигурой. Хотя чувствовали вроде бы какого-то длинного парня...

Серега попал сюда с другом Жекой, опять-таки за компанию. От нечего делать. От надвигающейся пустоты вечера, когда не знаешь, куда себя деть после такого же пустого дня. Жека, можно сказать, спас его от скуки, прихватив с собой, хотя и сам был здесь случайным гостем. Не без умысла, конечно, прихватил, то-то он так быстро и совершенно безответственно испарился. Просто исчез по-хамски, вместе с длинноволосой дамой и ключами от Серегиной квартиры.

«Будь здоров, Серый брат, много не пей и сильно не кашляй. Желаю приятно повеселиться...»

«Спасибо! И вам не хворать гусарской инфекцией...»

Серега остался. Потому что все-таки была водка и была

компания. Тепло, светло, в меру шумно, фривольно и градусно. Решил, что посидит немножко, а потом уйдет. Пусть Жека без помех оприходует свою очередную длинноволосую радость. Самому ему в этот вечер ничего не светит, сразу определил Серега, несколько симпатичных фигурок очевидно, на показ, заняты, а на оставшихся не стоит тратить ценную энергию нервных клеток. Остается тихо пить в своем салатном углу, дожидаясь того пьяного, объединяющего состояния любого сборища, когда друзья престают узнаваться в упор, а незнакомые становятся родными и близкими... В сущности, в этом тоже есть своя комедия ситуации – оккупация каменным гостем на чужом торжестве. Наблюдать со стороны за незнакомой компанией, балансирующей между интимом и алкоголем...

И тут – она. Неожиданно, как удар по лицу. Вошла в комнату и стрельнула выразительными глазами. Кажется, в его сторону...

Почему он не сразу ее заметил? Уходила? Или пришла потом?

Познакомлюсь, немедленно решил он.

Кажется, одна...

Таня познакомилась с ним сама. Просто подошла и сказала, что ее зовут Таня, что остальная компания ей уже надоела до печеночных коликов и что приятно видеть на старом, заплесневелом сборище нового человека.

Ему тоже было очень приятно. Видеть. И все остальное.

Она хихикнула. Как и было задумано.

Честно говоря, эту свою старую заготовку он использовал уже раз пять или шесть. Серега давно убедился, что даже самая рафинированная дама не будет против маленькой фривольности, замаскированной шуткой. Такой пробный камешек ниже пояса, обжигающая льдинка полускрытого хамства с сексуальным намеком...

«А почему ты такой надутый, сидишь букой в углу и молчишь?» – спросила она. Серега пожаловался, что попал сюда случайно и мало кого знает. «Разве это повод?» – «Не повод, конечно, зато – основание». Этот ответ ей понравился.

Таня сообщила, что она тоже не из этой компании. Просто вхожа сюда как школьная подруга хозяйки дома. Когда делать нечего.

У нее были темные волосы, короткая, мальчишеская стрижка и фигура тоже почти мальчишеская, высокая, гибкая, с узкими, изящными бедрами и крепкими, спортивными плечами. Ему всегда нравился спортивный тип женщин.

Внутри больших карих глаз плавали и кружились светлые искорки. Серега тоже поплыл. Он захотел ее сразу, до дрожи, до обугливания ушей, как сказал бы пошляк Жека.

Потом они танцевали, качаясь вместе с другими парами под старую медленную мелодию итальянцев. Вечер «ретро», как объявила вдруг пухлощекая хозяйка квартиры. Мальчишки-девочки, костры-картошки и вдохновенные диспуты на тему любви и дружбы внутри отдельно взятого пионерского

звена...

Хозяйка уже откровенно клеилась к мрачноватому типу с длинными волосами, собранными в пучок. Тот от нее так же откровенно бегал. Со стороны это смотрелось забавно. Кошки-мышки. Большая сытая кошка не торопится есть маленького, но гордого мышонка. Предпочитает изнасиловать для начала...

Сергея прижимал к себе Таню и чувствовал, какая она вся упругая. Как теннисный мячик, который жмешь, тренируя ладони. Ее аккуратные кисти были крепкими и слегка шершавыми. Определенно, спортсменка...

– Мой второй муж был полный маньяк, – рассказала Таня. – К тому же – сексуальный. Только сексуальность он проявлял направо и налево, а маньяком становился дома.

– А что, был еще и второй муж? – поинтересовался Сергей.

– А ты как думаешь?

Действительно, почему бы и не быть второму мужу? Третьему, четвертому или десятому? В сущности, избытие мужей никогда ничего не меняет, только подчеркивает качество...

Он никак не думал. Просто хотел.

– Сильно маньячил? – спросил Сергей для разговора.

– Как мог. Насколько силы хватало.

– А ты что?

– А что я? Я два раза в больнице лежала. Один раз с переломом руки, второй – с сотрясением мозга. Доктор все меня уговаривал написать заявление в милицию.

– Бил?

– Не то слово. Метелил.

– Что же ты не ушла?

– Ушла сдуру. Тогда и попала в больницу с сотрясением мозга. Там решила – все, хватит, больше ни одна сволочь на меня руки не поднимет.

– Заявление написала? – съехидничал Серега.

– Опять иронизируешь? Нет, не написала. Пошла карате заниматься.

К тому времени они уже сидели на кухне, отгородившись дверью с фанерой вместо стекла от остального вялотекущего праздника. Курили и общались. Распечатали найденную в холодильнике бутылку сладкого вина, выпили на брудершафт. Как положено, поцеловались, перегнувшись через стол друг к другу. Задержались губами. Она сама не отпускала его так долго, что Сереге даже захотелось курить. Потом целовались просто так, без поводов.

Кухня была тесноватая, заставленная всевозможными белыми шкафчиками и комодиками, помнил он. Огромный Серега все время боялся что-нибудь опрокинуть. Она подшучивала, что он, наверное, из деревни, только скрывает. В тесных московских квартирах такие большие особи не вырастают, для этого нужен свежий воздух, парное молоко и

просторные деревенские избы.

– Деревенские избы просторными не бывают. Там и комнаты маленькие и потолки низкие, крестьяне всегда тепло экономят. Просторными бывают коттеджи и дачи, – уточнил Серега.

– А ты был в деревенских избах? – спросила она.

– Случалось.

– А в коттеджах?

– Тоже приходилось.

– Вот ты какой интересный.

Серега с этим не спорил. Еще бы не интересный! Интереснее не придумаешь. Полные штаны несгибаемого, как штык, интереса...

Его нога касалась под столом ее круглой коленки, она не убирала ее.

– Карате я долго занималась, – рассказала Таня. – И сейчас занимаюсь. Черный пояс получила, между прочим. Дзюдо тоже занималась. А еще – в армии служила...

– В армии? – удивился Серега.

– В десантных войсках. Два года по контракту. Стрелять хорошо научилась. Между прочим.

– Между чем и чем? – уточнил Серега.

– Сволочь ты! В репу получишь!

Она улыбнулась. Он тоже. Потискал под столом ее круглую коленку.

Она не возражала, снова улыбалась в ответ...

Все-таки, Серега много выпил в тот вечер.

Конечно, сначала он пил абстрактно, за компанию, потом – целенаправленно, вместе с Таней. Чтобы, как положено добру молодцу, и ее напоить, и себя показать. Смешение водки и вина подействовало на него сразу, рывком, нокаутом, после которого все кружится, а перед глазами плавают темные мухи.

В результате – полный сумбур и смятение чувств. Он не очень хорошо помнил, как они очутились на улице. Видимо, ушли через дверь. Наверняка через дверь, не через окно же, девятый этаж...

Потом они гуляли по ночной Москве. Конец осени, шел первый, мягкий и красивый снежок, но он еще не ложился покровом, таял в черных, промозглых лужах. Под ногами хлюпало, но ощущение снега делало мир уютнее и добрее.

Долго гуляли. На улице Серега быстро пришел в себя, он вообще легко отходил от выпитого. Шлепая по лужам, порадовался, что не стал выпендриваться с пальто или плащом. Надел свою любимую толстую куртку на двойном синтепоне и непромокаемые ботинки на рифленой подошве. Так можно гулять. Таня была в розовом дутике, спортивной шапочке и кроссовках. Совсем подросток с виду. Только глаза яркие, женские. Манили к себе.

Серега запомнил, как они, по ее просьбе, заходили в какой-то дом, долго звонили в дверь, оббитую черным дерматином.

тином, с номером 25, где пятерка была приклеена криво. Таня смешно злилась, что не открывают, упорно долбила по двери кроссовкой.

Дальше был другой дом, другая дверь. Та открылась. Выснулась заспанная мужская физиономия. Серега не успел ее разглядеть, запомнил только неровную челку и припухлость заспанных глаз. Таня сразу ударила ногой. Быстро, тренированно, только кроссовка мелькнула в воздухе. Физиономия провалилась. Там, в коридоре квартиры, что-то шумно рухнуло.

Пока Серега пытался сообразить, что к чему, она уже бежала вниз по лестнице. Он догнал ее на ступеньках крыльца. Она заливисто смеялась и выглядела отчаянно пьяной и до невозможности привлекательной. Ей шло даже опьянение.

Дальше убегали вдвоем. Путали следы азартно и весело, хотя, кажется, их никто не преследовал. Потом вдвоем пили пиво где-то у Белорусского вокзала, расположившись на ящиках за киосками. Редкая женщина согласилась бы пить пиво на ящиках за киосками в первый же вечер знакомства, сразу решил Серега. В койку – да, многие соглашаются, а пить пиво на ящиках за киосками, закусывая солеными орешками из одной пачки – это больше. Это настоящий интим.

Он рассказал ей об этом. Она согласилась. Значит, действительно редкая женщина. От пива в голове опять зашумело.

– Кого ты так приложила? – поинтересовался Серега.

– Муж бывший. Мой второй.

– Круто!

– Ничего, он уже привык, – категорично сказала она. –

Жить будет. Если захочет. Жалко, что первого не застали...

– Высокие отношения! – восхитился Серега.

– Издеваешься?

– Иронизирую.

– Тогда в репу, – сказала она.

Серега заметил, любила она это выражение. Симпатично у нее получалось.

– Как мужу? – уточнил он.

Она серьезно задумалась.

– Нет, тебя я пожалею. Пока, – ответила Таня.

– И на том спасибо... И часто ты к ним заходишь?

– Когда выпью.

– Ну и как?

– Как правило, не слишком рады. Но пока не жаловались.

Терпят.

– Терпеливые они у тебя, – заметил Серега.

– Маньяки, вообще, народ терпеливый, – отрезала она.

Они выпили по бутылке пива и взяли еще. Таня умело пила, по-мужски, булькая прямо из горлышка. Десантница, переборовшая двух мужей-садистов...

За киосками шумела привокзальная улица, и неслышно шел снег. В свете электрических фонарей снежинки выгля-

дели чистыми и красивыми. Новый год скоро. Серега вдруг почувствовал, что ему хорошо. Легко, как в детстве. Давно так не было. Прикольная штука жизнь, если ее вовремя приколоть, как говаривал один наркоман...

– Давным-давно по земле ходили динозавры. Нет, не так... Даже не ходили, а двигались, – неожиданно рассказала Таня.

– Шлялись, – подсказал Серега.

– Шляются менты по рынку, – возразила она. – А динозавры были слишком большими, чтобы просто ходить. Или просто шляться. Они двигались. Большие, сильные и глупые звери. Ничего не боялись.

– Вымерли, между прочим.

– Вымерли. Но не боялись. А теперь по земле ходят люди.

И всего боятся.

– И ты боишься?

– Боюсь, – призналась Таня. – Иногда, очень боюсь.

– А я не боюсь, – похвастался Серега.

– По тебе видно. Ты большой. Как динозавр.

Серега всерьез задумался – комплимент или наоборот? Обижаться или не стоит? Решил – не стоит. Динозавры не обижаются. Они делают выводы. Как большие.

Все-таки он очень сильно ее хотел.

Потом они поехали к нему домой. Оба начали скидывать одежду еще в прихожей. Тело у нее действительно было упругим и мускулистым. Ее приятно было сжимать. А ей

нравилось, когда сжимают.

Они занимались любовью последовательно и долго, до второго-третьего пота, как спортсмены занимаются накачкой мускулов на тренажерах...

Утром он проводил ее до автобуса. По следу динозавров.

– В следующий раз, в постели, ты сделаешь мне больно, – сказала Таня.

– Что ты, никогда, – поспешил отпереться Серега.

– Сделаешь, – повторила она. – Я тебя очень попрошу, и ты сделаешь. Чтоб я закричала.

Ах, вот она о чем...

Таня мелко клюнула его в щеку и легко вскочила в подьехавший автобус. Помахала рукой через закрывающиеся двери.

Серега тоже махнул в ответ. Подумал, что если она попросит, то он сделает. А почему бы и нет?

На следующий день Таня сама позвонила ему. Они встретились тем же вечером, и она опять осталась у него ночевать.

Таня предпочитала анальной секс. В этом она созналась уже на следующий день.

Серега сначала пугался.

– Больно же, – сочувствовал он.

– Больно, – подтверждала Таня. – Но и приятно тоже. Ты просто не понимаешь. По другому чувствуешь, когда больно и одновременно приятно. Трудно объяснить. Хочешь, сам

попробуй.

– Вот еще! Я разве похож на педика?

– Не в этом дело...

Сергея пожимал плечами. В конце концов, он не против, совсем не против. Наверное, ей действительно приятно. Бывает же...

Про себя Сергей назвал ее Десантницей. До нее была Учительница. До Учительницы – Буддистка. До Буддистки, кажется, Секретарша... Выстраивать хронологию глубже было уже труднее, женщин в его жизни случалось много, они скользили рядом словно бы по касательной. Прикоснулись друг к другу и разбежались. Ничего лишнего. И ничего личного, как говорят в прагматичном американском кино. Просто немного игры в смятение чувств к обоюдному удовлетворению полового инстинкта...

Он помнил свою первую любовь – Танечку Соловьеву. Помнил б. жену, Светика-Разноцветика. Уже тогда ему казалось – это было давно. В прошлой жизни...

Память в общем-то избирательная штука. Тоже чаще всего работает по касательной.

Когда Сергей был еще совсем зеленым, только вернулся из армии, и черт занес его на стройку, он несколько раз трахнулся с учетчицей участка Катькой, чернявой разбитной хохлушкой лет тридцати. Катька все время носилась как заведенная, могла пить водку стаканами и материлась не хуже любого мужика-строителя. Сергею всегда было забавно слу-

шать ее звонкий голос, выкрикивающий матюги нараспев, как частушки. Как все, Катька зарабатывала на стройке квартиры. Ее многие трахали. В основном она давала прорабу, но рабочим тоже обламывалось. Муж у нее был моряком дальнего плавания, подолгу отсутствовал. Лелеял на своем рыболовном траулере в промозглых морях хронический простатит, профессиональную болезнь моряков.

В самом сексе с ней ничего интересного не было. Всегда одинаково. Катька становилась перед столом буквой «зю», упиралась руками, подставляла зад и ждала, когда ее попользуют. Всегда в одежде, только трусы приспускала, раздевать себя она категорически не разрешала.

– Раздеваюсь я только перед мужем! – объяснила однажды Катька.

– Верная ты! Блюдешь, значит, женскую честь! – восхитился Серега.

Она, похоже, обиделась. Больше не давала ему. Но запомнилась именно своеобразной преданностью тому, кто в море.

А если это не преданность, то как еще назвать? – усмехался он потом...

– Ты знаешь, мы все умрем, – сказала Таня.

Как обычно, они лежали в постели. Тогда, в первые дни и недели, они встречались преимущественно в лежачем положении, вспоминал он потом.

– Что, что? – не сразу понял Серега.

– Умрем. Причем, все.

– Прямо сейчас? – уточнил он.

– Нет, немного попозже, – великодушно разрешила она.

– Ну, это успокаивает...

– Не слишком. Осталось не так уж много, между прочим.

Совсем немного. Несколько легких мгновений...

Сергея внимательно глянул в ее карие глаза со светлыми искрами. Надо же, вроде не шутит! Как все запущено-то, оказывается...

– Да неужели? – неискренне удивился он. – О чем-то таком я, конечно, подозревал. Но точно не был уверен. Пока ты не сказала.

– Издеваешься?

– Горжусь знакомством.

– Смотри, Кузнецов... В репу дам!

– Давай, – великодушно разрешил Серега. – От тебя – хоть в репу, хоть прямо по тыкве – все стерплю.

– Серьезно, дам! – улыbnулась она. – Буду бить тебя с особым цинизмом, а потом глумиться над трупом.

– Над трупом глумиться – большого геройства не надо. Каждый может, – проворчал Серега. – Труп – существо безответное, а для кого-то даже и безотказное...

Все-таки башка у нее была набекрень. Виноват ли в этом первый муж-садист, или второй муж-маньяк, или карате, или десантная служба, – трудно сказать. А может, все это не причина, а, наоборот, следствие... Башка набекрень – точно бы-

ла. Серега это быстро определил для себя. И сделал выводы.

Он уже узнал, Таня работала в каком-то охранном агентстве, да еще подрабатывала инструктором по карате в женских группах. Зарабатывала очень прилично. Ездила на почти новом «Фольксвагене» и жила в собственной новой квартире с высокими потолками и санузлом элитной просторности.

– Ты никогда не задумывался о том, что через сто лет никого из живущих сейчас на земле людей уже не будет? – спросила как-то она. – Только вдумайся – никого из сейчас живущих... А будут жить совсем другие люди. Которые еще не родились. Тебе не страшно?

Серега немного подумал.

– Не страшно, – ответил он. – Наоборот, весело.

– Чего тут веселого?

– Потому что через сто лет все эти озоновые дыры, смены полюсов, изменения климатов, наводнения, затопления и всеобщее охренение будет продолжаться и, судя по всему, прогрессировать. А нам уже будет все по фигу. Абсолютно по барабану! Мы будем холодные и спокойные, как мерзлые мамонты, – объяснил он.

– Как динозавры!

– Или – как динозавры, – согласился Серега.

– Да, холодные и спокойные... – повторила она совершенно серьезно. – А все-таки я завидую потомкам.

– Чему?

– Они будут живые. Когда мы уже будем мертвые. Холодные и спокойные, как ты говоришь... – она вздрогнула, словно уже начала замерзать до спокойствия.

Сергея не сообразил, что еще сказать. А что тут можно сказать? Запущено...

Скоро он заметил, что тема смерти так или иначе всплывает у них почти во всех разговорах. Он никогда так много не говорил о смерти. Он и не думал о ней. Любой человек сначала живет, потом умирает. Он всегда считал, что такие вещи нужно принимать как данность. Что тут говорить? И что думать? Чем меньше думаешь – тем легче жить, полагал он.

Кроме того, жизнь – это не такая уж ценная штука. В этом он окончательно уверился, перевалив за третий десяток лет. Стоит хоть один раз по-настоящему устать от жизни, как начинаешь понимать, что она – не такая уж ценная штука...

Когда-то, Сергей уже не помнил, сколько ему было лет, семь или восемь, где-то около, он вдруг осознал, что умрет когда-нибудь. Дело было вечером, он уже лежал в кровати и засыпал и тут – как удар грома. Неужели?! Да, умрет... Все умирают, и он умрет. Вот так как есть, его гибкие руки, способные взять любой предмет, перестанут двигаться, его ноги перестанут ходить, глаза перестанут видеть. Ничего не останется. Деревянный ящик в мерзлой земле и свежескопанный небольшой холмик, украшенный пластмассовыми цветами, как у отца. И чернота. Абсолютная, непрогляд-

ная, крошечная чернота. В которой нет ничего... И его, Сереги, тоже больше нет, трудно себе представить, невозможно представить, но его вообще нет и никогда не будет... Никогда! Страшное слово, глухое, как бетонная плита, окончательное, как каменная стена перед расстрелом...

Он помнил, что плакал тогда. Тихо, неслышно для матери, похрапывающей в соседней комнате, вжимался в мокрую от слез подушку. Было тоскливо и страшно, как, наверное, еще не было в жизни. Долго плакал, горько, отчаянно и, незаметно для себя, уснул.

А утром, когда проснулся, увидел, как скользят по комнате теплые, пыльные лучи солнца, прорывающиеся сквозь прикрытые шторы, услышал, как шумит за окном просыпающаяся улица, – ночные страхи показались ему не такими уж страшными. Потому что жизнь впереди еще долгая, хорошая жизнь впереди, и, пока он будет расти и взрослеть, ученые наверняка изобретут лекарство от смерти. Ну, пусть не от смерти, пусть сначала от старости. На то они и ученые. Жизнь продлится, потом еще продлится, потом еще, а дальше – лекарство от смерти. Тут как тут. Работают ведь ученые, он сам слышал передачу по радио, очень серьезно работают над этой проблемой, убеждал себя мальчик Серега.

Да, вечная жизнь – заблуждение, наверное, каждого очередного поколения... Совсем маленький был, конечно. Собирался жить вечно...

Теперь больше не собирается. Повзрослев, он уже не бо-

ялся смерти. Он уже ничего не боялся. Чего бояться человеку, если он не боится смерти? Нечего больше бояться, определенно – нечего, решил он для себя когда-то давно. Очень правильное решение оказалось. Сразу избавляет от большинства страхов...

Все это он как-то раз попытался объяснить Тане.

Нет, она не поняла его. Не услышала. Женщина все-таки. Они редко слышат кого-нибудь, кроме самих себя. Иногда, изредка – тех, кто готов соглашаться с ними или просто поддакивать. В этом Серега тоже теперь был твердо уверен. Железобетонно уверен. Такие они от природы.

Иногда, уставая от ее бесконечной замогильной тематики, Серега думал – вот бы его бывшую жену сюда. Как психолога. Еще бы, объект роскошный: каратистка, десантница, мазохистка, жена двух маньяков и любительница разговоров о смерти. Просто тема для кандидатской диссертации, не меньше. Впрочем, его б. супруга сама тема для диссертации. Еще похлеще, если разобраться.

При всех своих вывернутых мозгах (а у кого они сейчас свернуты?) Танька все-таки была теплой. По его собственной, личной классификации.

После развода Серега определил для себя – все женщины делятся на теплых и холодных. И дело не в том, как они все кричат и подмахивают в кровати. Дело глубже. В душе, может быть. В душевности. Вот его жена Светка была холод-

ной, как курица из морозилки. А была ли у нее, вообще, душа? – вспоминал он. Или – одни только нервы, перетянутые, как струны плохой гитары? Вопрос, конечно, интересный... Из той теологической серии – сколько чертей умещается на кончике иглы, а сколько – в разрезе женского волоса?

Сергея и Таня встречались, так это обтекаемо называется. Правда, вместе не жили, так и не удосужились подвигнуться на общий быт. Татьяна объяснила, что слишком ценит свободу. Сергей ничего не объяснял. Но он любил засыпать один. Когда действительно хотел заснуть.

И все-таки это был настоящий роман. Первое время он ходил как пьяный, со счастливыми, ошалевшими глазами, что немедленно отмечали все знакомые.

– Ты, Сергей, орел-стервятник, – сказал ему Жека.

– Это как? – не сразу понял Сергей.

– А вот так. Питаешься исключительно стервами. Иногда, правда, и блядьми не брезгуешь, но тут первый случай... Слышал я про твою Десантницу... Немного, но кое-что...

Сергей, наконец, вспомнил этот анекдот. Ничего смешного. Остряк доморощенный, подкованный в компьютерных анекдотах! А с ним, между прочим, как с человеком. Или – почти как.

– Пошел ты... – всерьез разозлился он.

Про свою Десантницу Сергей ничего не хотел слышать.

– Понятно, – протянул Жека. – Потеря чувства юмора говорит о том, что исцеление больному хронически не гро-

зит. Тогда я умолкаю навеки, как птица соловей, застигнутая врасплох заморозками. Вот увидишь, мир еще пожалеет о моих трелях, еще вспомнит скромного, серенького художника, так вдохновенно украшающего чужие жизни собственной мужской неудовлетворенностью...

– Да пошел ты, говорю!

– Молчу, молчу, Серый брат...

Больше он на эту тему не заговаривал. Иногда Жека умел быть серьезным.

А Серега задумался – может быть, он влюбился? Даже наворачивая...

Они редко встречались с Таней по его инициативе. Обычно, когда он хотел проявить эту самую инициативу, домашний телефон не отвечал, по мобильнику абонент был недоступен, а на работе ее видели, но уже ушла. Серега злился, даже ревновал, но сдерживался. Интуитивно, где-то в глубине души он чувствовал, любые вожжи будут восприняты ею в штыки, как покушение на личную свободу, завоеванную в боях и маневрах. А терять ее ему не хотелось, настолько не хотелось, что приступами, как зубная боль, накатывала слепая, нелогичная ярость. Приходилось пережидать ее, стиснув зубы, и дальше сжимать в кулаке мужские, собственные инстинкты...

Любовь? Если не она, то, по крайней мере, очень похоже...

Таня сама его находила. «Время перемен!» – значительно

объявляла она. Эта фраза могла у нее значить все, что угодно: от постельных игрищ до поездки куда-нибудь за город, к друзьям на дачу, на шашлыки или просто прошвырнуться поближе к воде.

– А что такое «время перемен»? – спросил как-то Серега.

– Не знаю. Просто! Выражение красивое. Вот так живешь, живешь и чувствуешь – плесневеть начинаешь. Значит – время перемен. Пора встряхнуться!

– Ага, – глубокомысленно заметил Серега.

Что тут скажешь? Все понятно... Древние китайцы, конечно, вкладывали в это выражение совсем другой смысл, подразумевали смену эпох, а не брожение в тусовке. Мельчаем, господа?

Забавная она была... Несмотря на озабоченность всеобщей смертностью, мужей-маньяков и воздушно-десантное прошлое, оставалась в ней этакая детская непосредственность, лучистое веселье без повода, какое бывает у малышей.

Может, это и привлекало в первую очередь? Легкое, быстрое скольжение по жизни, как по гладкому льду. Вперед и только вперед, главное – не задумываться, задумаешься – упадешь. Разговоры о смерти, об откровенной обреченности всего живого накатывали, как короткие майские грозы, и уходили. И снова – вперед и вперед.

С ней Серега тоже начинал чувствовать себя легким, сильным и молодым. Обреченным, конечно, где-то в перспективе, все там будем, но пока – радующемуся тому, что отпущен-

но.

С ней было интересно. Не скучно. И просто, что удивительно, как еще не бывало у него с женщинами. Она была классной любовницей, а во многих случаях – своим в доску парнем. Понимала и рюмку выпить, и опохмелиться с утра пораньше. Сама выпить любила. Хоть и спортсменка. Спортсмены почти все любят выпить. Это Серега заметил, когда занимался спортом.

Если бы она тогда проявила хоть малейшее желание, он бы на ней точно женился, вспоминал потом Серега. Для него – это высшая похвала. Но инициативы все-таки он ждал от нее. Сам Серега давно поставил себе за правило: никакой инициативы с женщинами не проявлять. Как раз тот случай, когда всякое телодвижение наказуемо по гроб жизни...

Все-таки Десантница всколыхнула его – это точно, вспоминал он потом. Вывела из того аморфного, вяло-наплевательского настроения, в котором он пребывал, закончив третий десяток прожитых лет. Сделала то, что не удалось Библиотекарше, Секретарше, Учительнице или кто там еще по списку?..

Как-то вечером Жека вышел к нему на террасу, устроился в соседнем шезлонге, взял со стола запотевшую банку пива и смачно ее открыл. Надолго припал, жадно глотая и небрежно роняя ошметки пены на светлую майку. Потом оторвался, удовлетворенно рыгнул и шумно почесал пузо. Снова при-

пал.

Сергея с иронией наблюдал за ним.

Писатель... Можно сказать, самодвижущийся очаг культуры. Поперла культура изо всех щелей, не остановишь, того гляди – пена из ушей закапает... Итак, подавится господин писатель или добьет банку влет?

– Вот так! – значительно сказал Жека, добив банку.

– Чего именно? – уточнил Сергей.

– Все подряд! – отрезал Жека.

Появление Малышева на террасе было неожиданным. Сергей привык, что по вечерам Жека запирается в комнате и садится работать. Писать второй роман. Первый он уже написал, крупное московское издательство, что удивительно, приняло его к публикации и даже выплатило приличный аванс. Причем одновременно и за следующее произведение. Вдвойне удивительно.

Впрочем, первая книга Малышева пока так и не выходила. Жека, хоть и хорохорился, разглагольствуя про мимолетную пыль известности и вечный песок забвения, но ждал ее выхода с нетерпением. Переминался в пяти минутах от славы, как он говорил, жевал сопли и глотал горькие слюны сомнений. Выход книжки затягивался, и нетерпение нарастало. Равно как и слюны, и сопли, и опасения будущего провала...

– Не работается? – сочувственно спросил Сергей.

Жека только передернул плечами и вытряс в себя послед-

ние капли пива. Ловко кинул банку в мусорную корзину. Закурил сигарету и без промедления взялся за вторую банку, с удовлетворением причмокивая губами. Все-таки рожа у светоча мысли, на удивление, хитрая и плотоядная. Может, у светочей так положено?

Сергея весело глянул на него и снова отвернулся к морю.

Плещется, что характерно...

– Нет, скажу тебе не таясь, Серый брат, все ваше поколение – законченные индивидуалисты, – вдруг провозгласил Малышев.

Заявлено было громко, если не сказать – нахально.

Почему – ваше? С каких пор Жека отделился от собственного поколения, как дезертир от атакующего полка? – тут же подумал Серега, усмехнувшись внезапному сравнению. А потом, ругать поколение – занятие настолько не новое, что уже и не смешное...

Спорить, впрочем, особенно не хотелось. Ни спорить, ни говорить.

– Если мне не изменяет память, мы с тобой одноклассники, – лениво заметил Серега. – Так что с критикой поколения я бы на твоём месте не горячился. Если по существу вопроса – сам дурак!

– Я – писатель! – нахально заявил Жека. – А следовательно, человек вне времени и пространства. Гражданин вселенной – никак не ниже. Звездный скиталец по необъятной вечности. И с присущей мне высоты все ваше копошение – вро-

де муравейника на обочине.

– Хорошо ты устроился, звездный скиталец...

– Спасибо, не жалуясь.

– Дали бы книжечку почитать, господин писатель, – подколол Серега, откровенно наступив на большую мозоль.

– Ты же читал, – не сразу понял Жека.

– Я говорю, книжечку, а не компьютерную распечатку.

– Ах, вот ты о чем... Конечно! Обидеть художника, заткнуть поэта... Давайте, плюйте, топчите живую мысль кирзовыми сапогами! Наступайте валютными ресурсами на интимное место! Ваше время пришло, господин вице-президент по макаронам! Золотой телец капитала грохочет копытами инвестиций и всхрапывает рекламными слоганами в гонке за идолом потребления...

– Слезу пусти, – посоветовал Серега.

– Что? – прервал патетику Жека.

– Слезу, говорю, еще пусти. И размажь так красиво, чтоб как на сцене. Чтоб публику пробирало телесной дрожью до нижних когтей.

– Непременно... – пообещал Жека. – Дяденька, а пиво сначала можно допить?

– Пей, мальчик, на здоровье, – великодушно разрешил Серега.

Жекин роман Серега действительно читал в распечатке. Если коротко – ему понравилось. Ничего особенного вроде не происходит, живут себе люди, разговаривают свои раз-

говоры. Пьют много, почти как в жизни. Любят друг друга недолго и беспорядочно. Но – интересно. Хочется читать дальше. Значит – понравилось. Проглотил почти на одном дыхании. Какая может быть лучшая похвала? Об этом он честно сказал автору.

Жека, конечно, не преминул разъяснить ему, что хвалить творчество нужно совсем не так. Хвалить нужно неторопливо, обстоятельно, с чувством, с толком, с расстановкой акцентов, выделяя особо удавшиеся места среди прочих равно-талантливых. А понравилось – не понравилось, это, извините, Сергей Батькович, не литературный разговор. Вы, извините, человек, читающий много и беспорядочно, как и всякий нормальный читатель, могли бы найти для гения более выдающиеся выражения...

Серега, для литературности, послал его куда следует. Жека ответил тем же. Но похвала друга детства писателю понравилась, это было видно невооруженным взглядом...

– Так что там про поколение? – спросил Серега, тоже взявшись за пиво.

– Про которое? – переспросил Жека.

– Про любое, – разрешил Серега.

– Если про наше – тогда ничего хорошего. Крайние индивидуалисты, но при этом жуткие приспособленцы. Воспитывались при социализме, становились на ноги во времена беспредела и теперь с удовольствием строят капиталистический рай в условиях отдельно взятых квартир. И, что характер-

но, всегда ухитряются жить припеваючи, приедаючи. Умеют, сволочи, адаптироваться в любом бурном море, научились как-то...

– Жизнь такая, – подтвердил Серега.

– Вот я про это и говорю... Девиз поколения – моя хата с краю. Точнее, говоря вашим коммерческим языком, мой коттедж – на окраине охраняемой зоны отдыха.

– Очень образно... – пробормотал Серега.

– Еще бы не образно! Еще как образно! – продолжал злопыхательствовать Жека. – Если учесть, что поколение нынешних сорокалетних уже пришло и продолжает приходить к рулям и штурвалам высокой политики, то вечно грядущее светлое будущее нашей страны опять можно смело откладывать на потом. Не получится из нашего поколения несгибаемых кормчих, способных, так сказать, через рифы и мели – всем ветрам назло и с кукишем наперевес...

– Может, оно и к лучшему? – заметил Серега.

– Кто знает? Русские люди, скажу тебе откровенно, Серый брат, вообще по своей природе индивидуалисты. Поэтому, сбиваясь в кучу, перенимают друг от друга самое плохое. Хорошее – не тронь, оно мое, заветное, а плохое – нате, жрите. Вот и получается, глянешь отдельно на человека – умный, добрый, приятный, а глянешь на толпу – абсолютное быдло... А что из этого следует?

– Что?

– А следует из этого, что мы уже второе тысячелетие стро-

им на Руси более-менее приемлемый социум и все так же от него далеки. Действуем строго по принципам господина Сизифа: надрываясь – в гору, а вниз – с визгом и уханьем. И так далее до бесконечности...

Да, Жека, похоже, записался всерьез, подумал Серега, открывая очередную банку. Вышел, мыслитель, на основной вопрос отечественной государственности – как нам обустроить Россию без колючей проволоки?

Серега с удовольствием выпил пива и закусил оливкой.

– Это все ты сейчас придумал? – поинтересовался он.

– Полтора часа назад, если быть точным.

– А что такой дерганый?

– Не работается!

– Бывает...

– Знаю, что бывает. Все бывает... – капризным тоном начинающей звезды протянул Жека. – Только от этого никак не легче... Начал сдуру рассуждать в тексте о великом будущем русского народа и окончательно в нем запутался. Хоть убей, не могу понять, как великое будущее может вырасти из темного прошлого. Не укладывается в голове...

Нет, смотреть на спокойное греческое море и рассуждать о страданиях народа, испокон веков угнетаемого собственным разгильдяйством, Сереге категорически не хотелось. Это Жеке не пишется, а ему – очень даже сидится...

– Вырастет как-нибудь, – философски заметил он. – Само-собой, помаленьку, да полегоньку, да с божьей помощью,

глядишь, чего-нибудь и получится...

– Не умно и не логично!

– Так жизнь устроена! Как любит отвечать Бог, когда к нему пристают с глупыми вопросами о справедливости, – заявил Серега. – Хороший анекдот, между прочим. Многие объясняет про жизнь...

4

После армии Серега работал на стройке, сверлил дырки на заводе, таскал коробки на оптовом складе, потом поменял несколько не менее интеллектуальных работ, как говаривал ехидна-Жека. Серега всегда уходил без сожаления. Где-то – мало платили, где-то – много хотели. Но платили тоже, конечно, мало. Чего жалеть?

Вскоре после того как СССР развалился на самостоятельные республики, ему удалось сравнительно неплохо устроиться. По крайней мере, Серега тогда искренне так считал.

Просто повезло. Приперло само, как дураку – махорка. Его взяли охранником в совместную, итало-российскую парфюмерную фирму. Отобрали из других кандидатов за рост, плечи, представительный вид и правильную речь завязатого книгочая.

Работа – лафа, сутки отдежурил, двое – дома, гуляй не хочу, только на работу без опозданий, бритым, трезвым и свежим. В отглаженной серой униформе с дурацкой эмблемой на груди и спине, напоминающей фигу, намеченную пунктиром.

Внешний вид – это главное в новой работе, быстро разобрался он. Приветливая вежливость к постоянным заказчикам и солидная строгость перед случайными посетителями. Их и держали для солидности, охрана фирме была нужна как

галоши в Сахаре. Фирма торговала дешевой, сомнительной парфюмерией, бойко торговала, богатая была фирма, платила всем исправно, и ментам, и бандитам. Кто ее после этого тронет? Серега там целыми сутками сидел за столом при входе, надувал щеки для важности, проверял документы и записывал проходящих в толстые ученические тетради. А вообще – читал книжки. Днем прятал книжку в ящик стола, приоткрывая его, когда поблизости никого не было. Ночью читал открыто, предпочитая забористую зарубежную фантастику.

Организм у него был могучий, от похмелья он отходил быстро, на работу появлялся как штык. И выбритый, и наодеколоненный. Как положено. К нему замечаний почти не было. Иногда придирался вредный начальник смены, но он ко всем придирался.

В общем, работа – не бей лежачего, не сравнить со стройками и складами, а заработок – в твердой валюте. Журналист Жека, например, писал как черт в три-четыре издания, а зарабатывал тогда в несколько раз меньше его. Так жизнь устроена...

Серега считал, что он хорошо устроился. Разумно. А что, квартира у него двухкомнатная, живет один – кум королю и сват министру. Купил подержанный «жигуленок», получил права, поставил во дворе гараж-ракушку. В общем, не хуже, чем у людей. Как мать всегда говорила. По большому счету, не так уж она была не права. Жить не хуже других – это мно-

го. Конечно, не очень много, но лучше, чем ничего.

Жить надоело? Но это уже, извините, прямого отношения к самой жизни не имеет, рассуждал Серега. Это уже что-то из области входящего в моду психоанализа, толкующего проблемы головы воспалениями головки. . .

Как-то в одной газете Серега прочитал про вирус саморазрушения. Мол, есть такой, поселяется в человеке, приживается, как гриб-паразит, и давай себе разрушать все подряд. Сначала человеку перестает хотеться простых вещей – еды, например, или секса. А потом просто не хочется жить. Вирус не дремлет.

Врали, конечно. Фантастика махровая. А может, нет? В каждой шутке есть доля шутки. Если есть такой вирус, то он его подхватил.

Устал он, непонятно как, непонятно отчего, но – устал. . . Дом, работа, алкоголь, женщины. . . Ну и что? Секс тоже с какого-то времени становится скучным. Одинаковым. Теперь, глядя на очередную женщину, даже в одежде, Серега сразу мог рассказать, какая она без одежды и какая будет в постели. Потому что нечто похожее у него уже было. И, значит, опять ничего интересного.

А радость где? Искренняя радость, что так часто случалась у него в детстве? Другими словами, жизнь идет, катится своим чередом, а тепла в ней, как в улыбке утопленника. Один зеленый оскал на студенистой роже.

Нет, никто не спорит, жизнь – штука прикольная, иногда

даже очень, особенно если выпить столько, чтобы захмелеть, но еще не отрубиться. Именно тогда начинают случаться всякие разности, о которых потом смешно вспоминать и приятно рассказывать. Весело это. Но как-то безрадостно. Как протяжные народные песни под раздолбанную гармонь.

В то время Серега иногда думал, что если бы с женой сложилось иначе, завел детишек, собак, кошек, как все, может, и чувствовал бы себя по-другому. А то один, как пес среди ночи. Бывают такие безнадежно пустые вечера, когда ничего не радует, ни книжка, ни телевизор, даже мысли об алкоголе вызывают только тошнотворное отвращение. Слоняешься по квартире и не знаешь, за что схватиться. Как будто давит что-то. Плохо быть одному в такие томительные вечера.

А потом он встречал своих одногодок, выглядевших в тридцать лет совсем уж замшелыми мужиками, озабоченных семьями, детьми, женами, тещами, квартирами и прочими глупостями. Озабоченными настолько, что, казалось, они вокруг себя уже ничего не видят. И себя-то не видят, если честно, на себя тоже рукой махнули, одна радость в жизни – дернуть стакан-другой втихаря от жены. И где радость?

Тогда он в очередной раз убеждался, что прав. Живет один, сам себе господин, товарищ и брат – и хорошо на том. В конце концов, каждый умирает в одиночку. Ему всегда нравилась эта фраза. Очень правильная, многое объясняет.

Наверное, это и называется возрастной кризис, вспоминал потом Серега.

Жека тоже неплохо устроился. Работал в популярной газете, уже второй по счету в его карьере. Дослужился до зам. заведомо. Маленький, но начальник.

Со школьных времен Жека был женат дважды. С первой женой он прожил года три, потом ушел, оставив ей годовалого сына и однокомнатную квартиру, подаренную его родителями на свадьбу. Со второй женой он прожил меньше года, детей завести они не успели. Богатый тесть тоже подарил им к свадьбе квартиру. Его родители на этот раз прогнулись на машину «девятку». На квартиру Жека, как порядочный человек, не претендовал. Уехал на «девятке», закинув в багажник чемодан с вещами и книгами. Книги и машина – это то, что мужику действительно принадлежит, распространялся он по этому поводу. Остальное – женское имущество.

Сергею Жека откровенно признался, что вторая жена застучала его на бабе. Выгнала, как собаку. Последовательно выставила за дверь бабу, потом – его, а потом – чемодан. А он не против! Не было счастья, да несчастье помогло. Теперь Жека снова жил у родителей на поднадзорном положении блудного сына. Только Серегина жилплощадь – отдушина и свет в окошке.

Бабник, конечно, Жека... И пьяница, разумеется. Типичный журналюга. Он сам говорил, непьющих журналистов, мол, не бывает. Журналисты бывают только пьющие и завязавшие. Судьба такая... Вали все на судьбу, Серый брат, –

никогда не ошибешься...

Сергея Кузнецов всегда считал себя человеком аполитичным. Политика – грязное дело. Это он не только слышал везде. Но и сам так считал, искренне повторяя эту популярную истину.

В молодости Сергей добросовестно поднимал руку на комсомольских собраниях. Когда он после армии работал на стройке, пролетарий, значит, основа основ, все эти партийно-комсомольские игрушки уже казались ему ненужной мишурой. Так, пыль в глаза, новогоднее конфетти, без которого, между прочим, праздничная рюмка пьется не хуже. Скептицизм народа по отношению к собственным вождям уже достиг к тому времени крепости спиртного градуса, и политические разговоры рабочих шли исключительно матом в понятной направленности, вспоминал он.

Когда в стране начались реформы, пошли приватизации, ваучеризации, капитализации, Сергей воспринял все это спокойно. С точки зрения пролетария всех стран, который так и не удосужился объединиться. Остался свободным, как сопля в полете. Всегда и везде любые реформы ведут к тому, что богатые становятся еще богаче, а бедные – еще беднее, объяснял он Жеке. Откуда Сергей подхватил эту фразу, он не помнил, но часто и с удовольствием повторял ее.

Жека, например, в те времена был другим. Горячился много и по любому поводу, несмотря на то, что известный

журналист. В узких кругах, как всегда уточнял сам Жека. Когда началась горбачевская перестройка, тот вздохнул разоблачал культ личности бывшего товарища Сталина. Потом бегал защищать Белый дом, ходил смотреть, как его расстреливают, несколько раз ездил в командировки в горячие точки, разоблачал и негодовал в своей газете. Возмущался Сергиным равнодушием и много говорил про свободу тире равенство, оно же – братство, что было и остается идеалом общественного устройства.

Свободу от чего? И для кого? Серега всегда осаживал друга этими простыми вопросами. Простые вопросы многое объясняют уже самой постановкой...

Детский сад, в общем, считал Серега. Мышиная возня в осеннем амбаре. Кто-то вдохновенно грузит, а кто-то жрет под шумок. Как всегда. Взбесился народ. Перебесятся, перегорят, и богатые становятся еще богаче, а бедные – еще беднее. Так мир устроен! Аминь!

После того как отпала коммунистическая обязательность, Серега больше не разу не ходил голосовать. И никогда больше не собирался.

Он помнил, в те годы у него выработалась даже своеобразная философия наплевательства, если ее можно так назвать. Серега вдруг понял, что в жизни человеку нужно не очень-то много. Мало нужно. Из того, что ему действительно нужно. Серега решил – ему повезло, что он рано это понял, куда раньше многих...

Надо же, еще такой молодой, а уже такой умный!

Большинству не везет. Не понимают. Выпрыгивают из собственной кожи, добиваются, стремятся или просто хапают. Большинство, кстати, так ничего толком и не добьются. Потому что они большинство от природы. Масса. Призванная кормить собой успешных и знаменитых, как планктон выкармливает китов. У массы всегда забирают, оставляя самую малость на прокорм души и подпитку надежды...

А эти, киты, тоже по инерции хапают. По заведенному порядку вещей, где движение – мерило успеха. И только потом, напрыгавшись до отрыжки, понимают, что в жизни человеку нужно не очень-то много. Мало нужно, даже меньше, чем кажется...

Что человеку действительно нужно? Во-первых, дом, крыша над головой, периодически – теплая баба под боком. Во-вторых, человеку нужно жрать каждый день, а время от времени – выпить. В-третьих? А никакого в-третьих нет. Потому что больше ничего не нужно. Все примитивно, как технология дубовой скамьи. Остается только понять это, принять как данность, и не хотеть большего. В этом и заключается пресловутое счастье...

Эту свою самопальную философию примитивизма Серега несколько раз излагал Жеке за рюмкой. Ему нравилось, как все складно и логично у него получалось. Пусть на словах не так складно, как он чувствовал в глубине души, но тоже неплохо. Можно понять, о чем речь.

Жека, слушая его, только разводил руками. Пытался спорить. Только с чем тут поспоришь?

Баба нужна человеку? Нужна, не поспоришь. Жрать нужно? Нужно! Выпить нужно? Желательно! И с чем тут спорить? Значит – прав!

Сергеа хитрил, конечно, давил упрощениями, как бульдозером. Сам понимал, что перебарщивает, но не сдавался.

– А духовность? – спрашивал Жека, выпутываясь из логики выпивки и жратвы.

– Ась?

– Хренась! Для духовности в твоей философии место есть? Жрать, пить, спать, трахаться – это и свинья может, – приставал Жека.

– Свинья не пьет, – возражал Серега.

– Потому что не наливают, – оправдывал свинью Жека.

– Духовность должна быть в душе. Пусть там и останется.

Нечего ее трепать по всем углам...

– А Бог? – не отставал Жека. – Как же с божественной сутью человека?

– А что Бог? Богу – богово, тогда как кесарю – все остальное движимое и недвижимое с потрохами...

О Боге Серега не любил рассуждать. Он не верил в Бога. Точнее, не то чтобы совсем не верил. Допускал. По крайней мере, тот факт, что жизнь – это не просто хаотичное нагромождение белковых молекул, борющихся между собой за выживание. Что есть и другая сила, высшая сила. Над нами.

В небе или во вселенной. Скорее есть, чем нет. Неважно, как ее называть: Бог, сверхразум или просто высшая сила. Все-таки Серега читал много фантастики.

Сам он считал себя атеистом. Так его воспитали, так он вырос и зачем ему теперь меняться? Это пусть чиновники крестятся перед телекамерами у реконструированных церквей. А он, Серега, человек маленький, незаметный, как жук в навозе. И по сему поводу может жить в своем говне, как ему заблагорассудится, не творя кумиров из подручного материала...

– Сапог ты, Серега, – злился Жека. – Кирзовый сапог со скрипучим голенищем. По последней армейской моде. И когда успел только...

– На себя посмотри, – огрызался Серега.

– Что мне на себя смотреть? Про себя я все знаю. Я тебя не пойму!

– Чего не поймешь?

– Каким образом ты до такой степени атрофировался? Ничего не надо, ничего не хочу, живу просто, жую сопли? – запальчиво вопрошал Жека.

– Пошел ты!

– Сам пошел!

Вот и поговорили...

Они выпивали, ссорились, выпивали и опять мирились.

Да, если бы не Десантница, он, наверное, так и оставался

бы в парфюмерной охране, успокаивая себя запальчивым тезисом литературного основоположника, что на свете счастья нет, а есть, соответственно, покой, воля и вытекающий из всего этого пофигизм, абсолютный, как космический ноль...

Может, немного выслужился бы и стал начальником смены. Тоже карьера, размышлял Серега, глядя на густо-синее греческое море, контрастно подкрашенное красным закатным солнцем.

Хотя, вряд ли... Скорее всего, не выслужился бы. В фирме все знали, что он на посту читает книжки вместо того, чтобы украдкой смотреть телевизор и переживать за футбол. Следовательно, какой-то все-таки не такой, умный больно, как говаривал еще напарник Федоров, критикуя Серегу за постоянное чтение. От которого, как известно, до психушки всего полшага.

Несмотря на оправдывающее отсутствие верхнего образования, оно, чтение, все-таки накладывало на Серегу пятно скрытой интеллигентности. Таких в парфюмерной охране не выдвигали наверх. Вполне логично. Если у тебя больше одной извилины в голове, трудно быть полностью лояльным ко вверенному тебе дверному проему...

Что удивляло Серегу, Танька абсолютно не боялась ездить пьяная за рулем. И хорошо ездила, кстати. Несмотря на расхожее мнение о женщинах-водителях. Она объясняла, что всегда держит в бумажнике несколько сотен долларов. На случай гаишников. Случается, но редко. Москва большая, не так часто они и останавливают. Всего-то попадалась с запахом два-три раза.

– А если не возьмут, – спросил однажды Серега. Хоть и понимал, что берут всегда. Вопрос – сколько предложишь, но это всего лишь вопрос денег.

– Тогда я им дам, – просто объяснила она.

– Чего? – не сразу понял он.

– Себя.

Возразить было нечего. Тоже выход.

– И что? Случалось уже давать? – поинтересовался Серега, как мог, равнодушно.

– Не ревнуй. Не случалось пока. Обходилась долларами. Это же не мужики, это карманы на ножках...

Еще его удивляло, со сколькими разными людьми она была знакома. Часто они срывались среди ночи и ехали куда-нибудь на другой конец города. В компанию, в бар, на дачу, просто попить пива с ее знакомыми на берегу Москвы-реки. В бесчисленной веренице ее знакомых он быстро

запутался. Это тоже иногда раздражало. Хотелось побыть наедине, а тут – новая компания...

Когда она познакомила его с Сашей Федотовым? Весной, это Серега точно помнил. Кажется в мае, потому что все вокруг расцветало и пахло...

Однажды Серега с Таней сидели за столиком в открытом кафе, в парке Сокольники, а к ним неожиданно подсел высокий мужик. Ростом не меньше Сереги, по-спортивному сухощавый, с острыми чертами лица и черными, круглыми как у вороны глазами. Он весь походил на ворону. Или грача. Только большого грача, грача-хищника, который на полдник закусывает ястребами. На нем был серый костюм, дорогой с виду, модная белая рубашка с полосками и галстук в тон костюма. Часы точно дорогие, швейцарские, Серега видел такие в Пассаже, несколько тысяч долларов стоят.

Сначала Серега решил, что это какой-нибудь коммерсант. Тот обнялся с Танькой и крепко пожал руку Сереге. Пальцы у него были твердые и горячие. Саша Федотов, откомендовался он.

Именно так. Не просто Саша, понял Серега. Сашей много, навалом, как грязи вокруг, а он – Саша Федотов. Единственный и неповторимый. Серега никак не мог определиться, нравится ему новый знакомый или нет.

Они втроем пили терпкое сухое вино, закусывали местными шашлыками с приятным привкусом дыма и говорили о сравнительных достоинствах немецких и японских авто-

мобилей. И Саша Федотов, и Танька сходились на том, что немецкие машины дороже, зато у них ремонт дешевле. У японцев – наоборот, купить приличную модель можно сравнительно недорого, зато эксплуатация обходится в большую сумму. Так на так и получается, рассуждали оба. Серега, водитель «Жигулей», скромно помалкивал.

В общем, хорошо посидели. Вина выпили изрядно. Мужик Сереге скорее понравился. К таким хорошо подходит приклатненное словечко «конкретный». Быстрый, резкий в словах и движениях. На прощанье Саша Федотов снова крепко пожал ему руку и дал визитную карточку. Бумага плотная, буквы – с золотым тиснением. «Александр Кириллович Федотов. Охранное агентство». И только один телефон.

Когда он ушел, Таня сказала, что Саша Федотов кому попало свои визитки не раздает. Серьезный человек. Раз дал, значит, надо позвонить. Будет предложение по поводу работы. Она с Сашей предварительно разговаривала. Сколько можно, в конце концов, загнивать в своей парфюмерной лавочке?!

Серега в очередной раз объяснял ей, что загнивают помидоры на овощной базе, а он – бездельничает. Разные вещи, кто понимает.

Только теперь он сообразил, что Саша Федотов появился за их столиком не просто так. Своего рода смотрины. Похоже, Десантница всерьез озаботилась устроить его на пре-

стижное место. Да, она недавно что-то говорила об этом, вспомнил он.

– Кстати, откуда ты его знаешь? – спросил он Таньку этим же вечером, когда они лежали вдвоем на скрипучей Серегинной тахте. Курили, пуская дым в потолок.

– Между прочим, он мой бывший шеф. Я у него в охране банка работала.

– Только шеф? – уточнил Серега.

– Не только. Когда-то я с ним трахалась, – призналась она без стеснения.

– Приличные люди говорят – спала, – заметил Серега.

– Спать – не спала, врать не буду, а трахалась с удовольствием. Он спортивный мужик, – пояснила Танька.

– Это я заметил.

– Ты что, ревнуешь?

– Да нет, не особенно.

– А зря, – предупредила она.

Он обиделся, если честно. Не за то, что она трахалась с Сашей Федотовым, мало ли кто, когда и с кем, жизнь – штука долгая. Но признаваться не надо было. Вот так, со всего маху по самолюбию...

Танька тоже обиделась, заметил Серега. Наверное, что не встал в позу и не зарычал от звериной ревности. Станный они народ, эти женщины. Ревнуешь – козел, не ревнуешь – дурак... Как ни крути, а все равно кругом виноват... Всю жизнь он категорически отказывался понимать эту выверну-

тую логику и всегда в нее вляпывался.

Свою обиду Десантница тут же поспешила выплеснуть на него.

– Сволочь ты, – категорично определила она. – Я, между прочим, для тебя же старалась, дозванивалась, договаривалась...

– Интересно, интересно! С этого места подробнее, пожалуйста... Где, как, в каких позах?

– Чурбан!

– Новое определение, – заметил Серега. – Нестандартное. Баба – она нутром человека чует. Спит себе с человеком и чует его до невозможности.

– Медведь полярный!

Она продолжала дуться.

Глупо! Впрочем, Серега знал как ее успокоить. Несмотря на все карате у нее были очень чувствительные кончики пальцев ног. Язык мой – не враг твой. Когда молчит и делает дело.

Они помирились.

Через несколько дней Серега позвонил Саше Федотову...

Это тоже было давно... В прошлой жизни?

Сам Серега не слишком верил в модную теорию повсеместной реинкарнации. Дорога греха, тянущегося за человеком из седой старины, и искупления собственной жизнью развеселых деяний дедов-прадедов? Что-то в этом есть, при-

знавал он, как в любой куче можно при желании отыскать непереваренное зерно истины, но, в общем, все достаточно наивно и откровенно надуманно. Слишком примитивная концепция, как раз в стиле человеческого ума, а не «высшего разума». В конце концов, простое понятие «генная память» тоже все объясняет не хуже пресловутого переселения душ.

Хотя само словосочетание «в прошлой жизни» сразу легло на язык и прочно прилипло. Красиво и с надеждой на будущее бессмертие...

А кто сказал – чтобы начать жизнь заново, надо обязательно умереть? У человека, вообще, много жизней, что в принципе ни для кого не новость. Когда Серега учился в школе – это была одна жизнь, потом, после армии, бравый и одинокий, он зажил совсем другой жизнью, дальше, на службе у Шварцмана, началась третья жизнь...

Другая жизнь... Теперь остается сидеть в нарядном греческом доме, чесать в затылке и думать о том, что он приобрел и что – потерял...

Так получилось.

С другой стороны, кто из людей хоть когда-нибудь получал все, что хотел? Нет, конечно, таких. Даже история царей и героев подобных примеров не знает.

Мысль простая, но отрезвляет от рефлексии. Так мир устроен!

6

Саша Федотов предложил Сереге пойти работать телохранителем. К одному очень богатому человеку по фамилии Шварцман.

Хозяин признает только сотрудников охраны не ниже метра девяносто, пожаловался вскользь Саша Федотов. Преторианская гвардия, пунктик у него такой. Чтобы идти среди телохранителей как в питерском дворе-колодце – только небо над головой. Чемпиона страны по дзюдо не взял на работу, потому что у того всего метр восемьдесят восемь, достоверно рассказал Саша. Коротышка, сказал... А где ему найдешь столько баскетболистов, готовых профессионально стеречь и защищать? Так что приходится выкручиваться и готовить рослые кадры на месте. У тебя, значит, метр девяносто два? Повезло тебе, парень, на целых два сантиметра повезло...

Серега еще не знал, повезло ему или нет, но представиться богатому человеку согласился. Чем черт не шутит, когда Бог спит?! Придумано, наверное, самим чертом...

Саша Федотов работал у того замом по безопасности. Возглавлял службу телохранителей и охрану предприятий.

В общем, крутой мужик Саша. Когда Серега на своем «жигуле» проехал через полосатый шлагбаум и предъявил паспорт людям в камуфляже, охранявших элитный коттедж-

ный поселок, он понял насколько крутой мужик Саша Федотов. Не говоря уже о его боссе.

Куда ни посмотри – впечатляло. Такие дома, как здесь, Серега до этого видел только в кино. И не в нашем кино, где оббитые финской вагонкой чердаки до сих пор заменяют спальни. В «их» кино, про тяжелое, полное невзгод и опасностей существование миллиардеров и преуспевающих мафиози.

Дом босса вообще поразил Серегу. До тех пор новорусские поселения связывались в его представлении с глухими стенами из красного кирпича и забетонированными площадками для «мерседесов» вместо привычных огородов с картошкой. Этот дом одним фактом существования перечеркивал не только приусадебное говноедство, но и претензии чемоданообразных «меринов». Он был белым, синим и голубым. Цвет – первое, что бросалось в глаза. Потом Серега разглядел башенки, извивающиеся перекрытия, причудливые балкончики и огромные, тонированные под серебро стены-окна. И все равно первое ощущение летящей неопределенности форм оставалось. Дом напоминал птицу, приготовившуюся взмахнуть крыльями. Или, допустим, корабль. Парусник, легко скользящий при попутном ветре. Бегущий по волнам, как у Грина. К причалу, на золотую цепь... Тоже вполне уместно вспомнить.

Наверняка при постройке этого дома архитектор озолотился, решил Серега. Впрочем, архитектор такого уровня,

скорее всего, озолотился гораздо раньше...

Как договаривались, Саша Федотов встретил его перед въездом на участок. Если можно назвать этим блеклым словом территорию в несколько гектаров, с подстриженными лужайками, беседками, всякими кукольными скамеечками, живыми изгородями из хвойных кустов и даже небольшим сосновым бором. Еще перед домом был бассейн, больше похожий на естественное озеро в каменной чаше, и небольшой искусственный водопад, выложенный гладкими гранитными валунами. Эти валуны, ему потом рассказали, специально доставили для Шварцмана с побережья Белого моря.

По теплоте времени в каменной чаше голубела вода, а по валунам журчали сверкающие на солнце струи. Все это смотрелось настолько естественно, что выглядело уже не бассейном, а живописным лесным озерком где-нибудь в Карелии.

Саша Федотов твердо пожал руку Сереге. Хозяин ждет, – значительно сообщил он. Как показалось Сереге, с сомнением глянул на его привычные джинсы, кроссовки и тертую ветровку цвета уходящего лета. Но комментировать не стал. В конце концов, они не договаривались, что Серега будет при параде и галстуке, договаривались, что просто приедет.

Он приехал. Как обещал. И нечего зыркать пренебрежительными глазами на человека без галстука! Пусть по нему видно, что он не только не носит галстуков, но и завязывать их не умеет, и что из того? Человек без галстука – такое же создание по образу и подобию божьему...

В знак протеста у Сереги возникло желание поинтересоваться: с нетерпением ли его ждет Хозяин, или так, спустя рукава, время проводит?

Классовая ненависть, наверное. Когда при виде окружающей роскоши душа закипает из глубины и хочет немедленно все отнять, поделить, промотать, в общем, чтоб следа не осталось.

Сергея ничего не стал говорить. Понял, сообразил, конечно, что здесь много не говорят. И, тем более, не говорят лишнего. Как в колонии, каждое слово – ответа стоит.

– Иди за мной, – бросил Саша Федотов.

И снова Серега едва удержался от уточнения – след в след, как по минному полю?

Что еще ему оставалось, как ни ерничать про себя, шагая по мраморным плитам дорожки за прямым, как штык, Сашей Федотовым?

Богатого человека звали Иван Иванович. Конечно, он был такой же Иван Иванович, как Серега – Рахим Рахимович. Исаак Исаакович он был, по одному носу меньше двух исааковичей не дашь. Но представился как Иван Иванович. А Сереге что, пусть будет хоть Черт Чертович, раз ему озвучили такую зарплату в у. е., в конверте и без налогов.

Богатый человек встретил их сидя на диване из ослепительно белой кожи перед низким стеклянным столиком на восьми изогнутых ножках. Перед ним на стене было рас-

кинуто плоское полотно телевизора величиной, наверное, с дверь. По телевизору показывали что-то стреляющее, звук был убран почти до минимума.

Богатый человек был одет в спортивный костюм простого синего трикотажа и шлепанцах на босу ногу. Виднелись голые щиколотки, поросшие густым черным волосом. На груди и голове волосы были с проседью, соль с перцем – и не понять, чего больше. Он был невысоким, пухлым и густоволосым, под растянутым спортивным костюмом отчетливо обозначались брюшко и бока.

Хозяин сегодня отдыхает, предупредил Саша Федотов, провожая Серегу в дом.

Отдыхал Иван Иванович чисто по-русски. На столике, на веере разноцветных журналов, стояла бутылка банальной водки, демократичная стопка и тарелка квашенной капусты. Увидев вошедших, богатый человек первым делом выпил объемистую стопку и закусил ее горстью капусты, которую нагреб в рот рукой. Поморщился, пожевал, аккуратно вытер руку большим носовым платком в сиреневую клетку и промычал что-то похожее на приветствие.

Честно говоря, Серега ожидал нечто более грандиозное. А тут – обычный рыхлый мужик с явной восточной кровью и свисающим на губы носом. Широкое и, может быть, когда-то красивое лицо перечеркивали сиреневые прожилки. Словом, по классификации видов – ханыга вульгарис. Такому место не на сияющей коже дивана перед плазменной па-

нелю, а где-нибудь в гараже за откидным столиком, единственным святым убежищем от чад и домочадцев, решил Серега. В лучшем случае – где-нибудь на рынке, в глубине собственной палатки с просроченными полуфабрикатами.

Потом, спустя время, он понял, что так думали все, кто впервые видел Шварцмана. Свой интеллект Хозяин не носил на лице, а про манеры вообще говорить не приходилось...

– Вот, Иван Иванович, человек, о котором я вам говорил, – представил Серегу Саша Федотов. – Сергей Кузнецов. Планирую парня вместо Афанасьева.

– Тоже десантник? – спросил Шварцман, небрежно сплюнув остатки капусты на гладкий паркет с узорчатыми завитушками рисунка.

– Никак нет, внутренние войска, – сказал Серега.

Он сам не понял, откуда вырвалось это армейское «никак нет». Но, похоже, к месту.

– Парень стоящий, – добавил Саша Федотов. – Я навел справки.

Интересно, когда он успел?

– Ага. Горячие точки, интернациональный долг Родине, – сказал Шварцман, глянув на Серегу крупными и темными, как сливы, глазами. Взгляд у него был внимательный и умный. Цепкий взгляд, заранее уверенный в собственном превосходстве.

– Никак нет, – на этот раз Серега уже сознательно использовал военную терминологию. – Я еще при коммунистах слу-

жил. Охранял колонии с заключенными.

– Ну и как там? В колониях? – лениво поинтересовался Хозяин.

– Сидят... Кто не может выбраться.

Этот ответ понравился Ивану Ивановичу. Он покивал головой.

– Да, молодое поколение... – проворчал он. – Выбрало пепси, чтобы запивать гамбургеры...

К чему он это сказал, Серега не понял.

– Не такое уж молодое, – уточнил на всякий случай. – Я с шестьдесят четвертого года.

– Все равно молодое, – возразил Шварцман. – До сорока все молодые. Потом начинают молодиться. Это уже старость на подходе...

Он не слишком твердо налил и, жадно хлюпая, выпил водки. Переморщился. Покосился на капусту и, видимо, решил не закусывать.

– Эстраду любишь? – неожиданно спросил Иван Иванович.

– Какую? – не понял Серега.

– Всякую. Современную, например... Имей в виду, я в машине этого барахла не терплю.

– Не любите, Иван Иванович? – рискнул, в свою очередь, спросить Серега.

– Не люблю. Когда меня держат за идиота – совсем не люблю. Ладно певцы, шут с ними, они свои бабки зарабатыва-

ют, барабанят народу по ушам навязчивыми мотивами. Но почему я должен все это слушать? Я не против эстрады, я против того, чтобы меня держали за идиота... Вот этого – точно не люблю!

Предупреждение?

Шварцман погладил толстыми пальцами кончик носа. Потом начал активно ковырять в ноздре, извлек оттуда черную волосину. С удовлетворением сдул ее с пальцев. Снова погладил нос и помотал головой. Словно мух отгонял. Только сейчас Серега сообразил, что Шварцман уже крепко пьян.

Иван Иванович еще раз внимательно посмотрел на него печальными еврейскими глазами. В которых, как положено, отражалась вековая скорбь древнего народа. Или что там еще должно отражаться?

Серега тоже смотрел на него. Чего ему терять? Работа и так есть, над ним не капает. Он сильно не напрашивается.

– Я тебя беру на работу, ты мне понравился, – вдруг заключил Иван Иванович. – Детали обсудишь с Сашей, он все расскажет...

Аудиенция явно была закончена.

Шварцман, больше не глядя на них, снова потянулся к бутылке. Попал пальцами в тарелку с капустой, оперся на нее и горько, обреченно вздохнул. Медленно высвободил руку и стряхнул с нее капустную стружку. Собрался, с двух попыток поймал бутылку за горлышко, и было видно, уже не отпустит. Теперь нужно было налить. Непростая задача,

совсем не простая... Видимо, обдумывая этот предстоящий физкультурный подвиг, Шварцман настолько сосредоточился, что забыл про посетителей. Углубился в проблему, как ученый, глазами меряя расстояние от стопки до горлышка и что-то пришептывая.

Отдыхал Хозяин...

Оказывается, он не просто пьяный! Нажратый до полной задницы, мысленно определил Серега. Странно, а по глазам не скажешь...

Саша Федотов тронул Серегу за локоть. Тот понял, начал вежливое, вполоборота, отступление к выходу...

Когда прошло уже много времени и они с Хозяином откровенно разговорились, Шварцман объяснил Сереге смысл этого в общем-то пустого разговора. Пьяный, пьяный, а все помнил, оказывается. К тому времени Серега уже знал его особенность – никогда ничего не забывать в любом состоянии.

– До тебя приходил один, – объяснил Шварцман. – Де-сантник, капитан в отставке, кандидат в мастера по чему-то там. В общем, круче десятка вареных яиц, вместе взятых. И рекомендации хорошие, и Федотов за него горой... А он стоит и смотрит на меня как на жида. Я же вижу... Слушает, конечно, не вякает. Но смотрит. Стоит и думает про себя, как он, русский офицер, весь из себя боевой, к жиду в холуи пойдет. Трудно ему бедолаге будет. Я ему облегчил жизнь. Послал к ядерной матушке.

– Мне, вообще-то, все эти национальные вопросы до фонаря, – сознался Серега. – Чурок только не люблю. Еще с армии. Во внутренних войсках тогда было много чурок, все время приходилось с ними драться.

– Чурок можно не любить, – разрешил Иван Иванович. – Тупые они, за что их любить?

Шварцман был почти олигарх, скоро узнал Серега. Хозяин сам так о себе говорил: «Я – почти олигарх, и определение „почти“ меня абсолютно устраивает. Пока останусь „почти“, буду живым, здоровым, богатым, и даже не за решеткой, как некоторые самые умные. Нам, Шварцманам, всякие Гусинские и Ходарковские – не указка, а информация к размышлению!»

Шутить изволил...

«Пресловутая еврейская осторожность?» – думал Серега.

Шварцман торговал зерном. А также хлебом, хлебопродуктами и макаронными изделиями, которые выпускали два принадлежащих ему завода в Подмоскowie. Из хлеба поставляемого его же торгово-закупочными фирмами. Еще ему принадлежал крупный подмосковный банк и сеть супермаркетов.

Он был действительно богатым человеком. Очень скоро Серега понял, что все его умопомрачительные дома, квартиры внутри Садового кольца и лимузины длиною с дом – это даже не часть его состояния, а незначительные предметы

роскоши – как, например, дорогие часы или бумажник. Для Шварцмана деньги давно уже не были деньгами как таковыми. Работая у Шварцмана, Серега впервые по-настоящему понял, что действительно большие деньги – это уже совсем не деньги. Это капитал. Это вложения, инвестиции и счета во всевозможных банках. Своего рода игра в богатство, за которой самих денег, как бумажек с покупательной способностью, уже давно не видно.

Позднее Серега узнал некоторые подробности его коммерческой биографии.

Как и все честные советские люди, которым надоело быть советскими и, тем более, честными, он начал с того, что ушел из своего НИИ и устроился лепить тесто в какой-то чебуречно-пирожковый кооператив. Подкормившись на чебуреках, они с приятелем залезли в долги и начали возить из-за рубежа подержанные компьютеры. Сами ремонтировали, собирали и продавали, в НИИ им уже приходилось иметь дело с такой техникой.

Скоро приятель купил себе «Жигули» восьмой модели и забурел, рассказывал Шварцман. Потом запутался между женами и бабами и окончательно сошел с дистанции. А Шварцман продолжал вкладываться в компьютеры. Потом приватизировал по случаю бензоколонку, следом – еще несколько, занялся поставками бензина и нефти. Когда этот лакомый бизнес начали подминать под себя организованные преступные структуры, успел вовремя уйти в сторону со все-

ми капиталами и переключился на черные и цветные металлы. Здесь он тоже не задержался, отхватил пару кусков пожирнее и тоже ушел. Иначе бы точно убили, рассказывал он, слишком крутая драка начиналась в металлургии. Наконец, с подачи другого старого приятеля, переключился на зерно, а затем – на хлеб и макароны.

В принципе абсолютно все равно, чем торговать, сказал он как-то Сереге. Главное, соблюдать единственный принцип торговли: купить дешевле, а продать – дороже. Все ведь просто на самом деле, объяснял Шварцман, даже непонятно почему у многих людей импортное слово «бизнес» вызывает такой священный трепет. Деньги – товар – деньги, все по старику Марксу, ничего нового...

Сначала Серега долго удивлялся Ивану Ивановичу. Никак не мог понять, что он за человек. По виду – типичный еврей, носатый, курчавый и въедливый, способный за мгновения довести до точки кипения самого флегматичного антисемита. По умению зарабатывать деньги – еврей в квадрате, даже в кубе. По поведению – типичный русский ханыга. Как он сам про себя говорил: бывший гениальный мальчик с физтеха, с соплями в носу, рублем на завтраки и бутылкой бормотухи в кармане.

Теперь, во взрослой своей ипостаси, бывший гениальный мальчик превратился в откровенного пьяницу и, под настроение, бабника. Когда не лень было оторвать задницу от дивана перед бормочущим телевизором.

Иван Иванович не просто много пил. Он пил очень много даже по самым строгим российским меркам, где отсчет начинается от ведра с гаком. До этого Серега считал, что евреям такое запойное пьянство не свойственно. Оказалось, зря он так считал, любимому пороку покорны не только все возрасты, но и национальности.

В день Иван Иванович выпивал не меньше бутылки водки. Предпочитал этот традиционный напиток всем западным виски, джинам и коньякам, которых называл происками гнилого Запада против российской печени.

Впрочем, бутылка в день – это было еще немного. Для него – обычно. Время от времени у Шварцмана случались запои, и тогда начиналось много. Он по несколько дней не выходил из дома, не брился, не мылся, носом по полу катал бутылки и засыпал в самых неожиданных местах. Оставляя семье и прислуге почетное право транспортировать его драгоценное тело до кровати.

Через несколько дней, когда запой ему самому надоедал, в доме появлялись два вежливых, улыбающихся врача в чистых белых халатах. Начинались капельницы, всевозможные очистки крови, массажи и сауны. Через сутки Хозяин становился трезвым, злым и деловым. Твердел лицом и отправлялся по объектам, вершить руководство на местах. Там никто и представить себе не мог, что всего лишь сутки назад всемогущий Хозяин валялся где-то под столом, разобраный, как списанный двигатель.

Все-таки деньги могут многое. С этим Серега никогда не спорил.

Удивительно, но даже в самое запойное время Шварцман продолжал руководить своей хлебно-макаронной империей, не отрываясь от трех мобильных. Он, похоже, и спал с ними. В работе для него не существовало дня или ночи. Его рабочее время делилось на часы, сутки, недели и т. д. Хоть трезвый, хоть пьяный, хоть никакой – он действительно никогда ничего не забывал.

– А что ты хочешь, Сергей? Математический склад ума и десять лет занятия наукой, – как-то объяснил ему Иван Иванович. – Четыре кандидатские диссертации написал в свое время. Одну – для себя, три – для друзей, сам понимаешь, не за просто так... Да и докторскую, было дело, почти сварганил, только защититься не успел, страна начала разваливаться, а с ней – и наука. Так что сразу такие мозги не пропешь даже при большом желании....

Словом, Серега быстро понял, почему все называли Шварцмана Хозяином. Причем с большой буквы и без всякого иронического подтекста. Он сам скоро привык к этому. Хотя сначала показалась, что слишком уж по-лакейски.

Часть II

Сергеа

Однажды утром Серега проснулся очень рано. Он сразу, не взглянув на часы, почувствовал, что еще очень рано. Но – выспался. Что удивительно.

В теле – бодрая, упругая легкость без малейших следов вечернего пива, и голова ясная, как летний день. Несмотря на то что очень неплохо посидели вчера с Жекой на обжитой террасе, глядя на море и звезды, и лунную дорожку, разделяющую своим мерцанием ночную тьму неба и воды.

Хорошо посидели... Уютно стрекотали напористые греческие цикады, вкусно пахло хвоей и цветением незнакомых трав, и жизнь представлялась не такой уж поганой штукой, если до сих пор способна дарить такие вот маленькие, душевные праздники, вспыхивающие яркими звездочками в общестатистической кромешности бытия. Об этом они рассуждали почти всерьез, по очереди передавая друг другу холодные, влажные на ощупь банки. Словом, душевно припухли ...

Что-то здесь, в Греции, он стал просыпаться все раньше и раньше, думал Серега. Весело и легко начал просыпаться. Хорошее настроение по утрам – признак состоявшегося отдыха?

Даже удивительно – с утра пораньше и хорошее настроение... Расслабление психики или первые симптомы подступающего маляра?

Сергея никогда не любил рано вставать. Всю сознательную жизнь считал вопиющей несправедливостью, что активные «жаворонки» упорно навязывают свои деловые биоритмы «совам», подминая под себя часы работы и административные расписания. «Совы» по утрам медлительны, покорны и согласны на все. И что они могут противопоставить? Если это не скрытый геноцид «сов», то как еще можно назвать подобное безобразие?

Когда Сергей сам стал боссом, он взял себе за правило никогда не назначать деловые встречи раньше часа дня. И все равно периодически его нарушал, потому что на каждого босса найдется биг босс, а на самого бига – стечение обстоятельств. Именно сегодня, один разок, как исключение, кровь из носу и сопли по столу... Не можешь – заставят, не хочешь – уговорят, черти.

Кто рано встает – тому Бог дает? Не иначе – Бог тоже «жаворонок»! Определенно геноцид, методичный, как расписание гитлеровского концлагеря...

Проснулся Сергей от солнца. Длинные лучи проникали сквозь плохо зашторенное окно, пронизывая комнату с прямолинейностью опытных фехтовальщиков. Светлые прямоугольники играли живыми бликами на белой гладкой стене, словно предварительно отразились от переливающейся во-

ды. Или правда отразились. Наверняка это ярко-синее греческое море, название которого для него под вопросом, отражает, как начищенное зеркало, и от этого солнце кажется здесь другим... Даже не более ярким, более радостным, что ли...

Он не торопился подниматься с кровати. Просто валялся, наслаждаясь бездумным спокойствием начала дня, в котором некуда спешить и не о чем заботиться.

В детстве, вспоминал он, было много таких вот дней. Не торопясь просыпаешься и думаешь, чем себя занять на сегодня. И много солнца. Бескрайние, спокойные московские улицы детства, до отказа залитые солнечным светом... Просыпаясь, он первым делом смотрел в окно, а за окном – солнце. Значит, впереди большой и радостный день...

Да, было! И каждый день наступал, как предчувствие праздника. И, наверное, являлся праздником. И даже если надежд не оправдывал – неважно. Потому что завтра будет новый день, а потом еще и еще. Длинная шеренга дней уходила далеко вперед, упираясь прямым в бесконечность...

Теперь те же улицы представлялись ему совсем другими. В первую очередь, наверное, поблекли краски. Стали однотонными и серо-сизыми от выхлопов автомобильных пробок. Серый снег, свинцовое небо, грязный дождь... Плотная, сбитая в армейские колонны толпа на улицах все время куда-то бежит и опаздывает. Постоянно хмурятся тучи, моросит сверху и хлопает под ногами слякоть. Короткие периоды

летней жары или зимнего, хрустящего мороза, а между ними – тянущееся безвременье межсезонья...

Что-то изменилось в природе?

Конечно, раньше и вода была мокрее, и небо голубело голубее, и солнце ярче светило... Слышали, проходили. Скрипеть по поводу прошлого – занятие, безусловно, затягивающее.

Нет, спокойными московские улицы теперь уж никак не назовешь, это ясно, не торопясь размышлял Серега. В этом город поменялся в самую суетливую сторону. Но солнце... Солнце никак не могло измениться! С точки зрения светила, очередное время перемен в стране Россия – факт слишком мелкий и не стоящий сиятельного внимания.

Значит, изменился он, Серега. Это не краски поблекли – глаза перестали видеть. Это время запорошило глаза пеплом отгоревших желаний, как сказанул однажды друг Жека, старый мастер художественного словоблудия...

А кто с ним спорит?

1

Сергея Кузнецов родился в 1964 году, когда на коммунистическом престоле воцарился дорогой и генеральный Леонид Ильич Брежнев. Началась, как теперь говорят, очередная эпоха, но новорожденному Сереге, понятно, до очередных эпох дела не было. Он только потом узнал, кто такой Брежнев и в какую очередную эпоху его угораздило вляпаться.

Родился Сергей Кузнецов 10 марта, в 4.30 утра. Роды были тяжелые, продолжались больше чем двое суток.

– Богатырь родился, – облегченно сказал матери Оксане уставший врач.

Он всем роженицам это говорил, если мальчик – то богатырь, если девочка – красавица. Впрочем, на этот раз врач сказал правду, вес новорожденного оказался 4,5 кг, что по меркам роддома тянуло почти на рекорд.

– Из-за тебя мне весь живот перепахали, – часто повторяла потом мать подрастающему Сереге. Это был один из ее главных воспитательных козырей в борьбе с сыном.

Сначала маленький Сергей очень пугался и смотрел на мать с ужасом. В его воображении сразу возникал ревущий трактор, едущий с плугом через материнский живот. Как она осталась целой после такого? Потом он привык и перестал обращать внимание.

– Бесчувственный ты какой-то. Как дубина стоеросовая, – упрекала мать.

Загадочная стоеросовая дубина представлялась Сереге огромным, шершавым и разлапистым деревом. Как старый дуб в сквере через дорогу, возле которого они с мальчишками всегда собирали коричневые, восхитительно-гладкие желуди. Только дубина – без листьев, потому что все-таки дубина. Она твердая и прохладная на ощупь. Когда мать называла его стоеросовой дубиной, Серега чувствовал себя таким же сильным и негибачаемым. Маленькому Сереге нравилось быть дубиной стоеросовой. Хотя он понимал, что его ругают таким образом.

В принципе мать не была злой или вредной, понял он, когда подрос. Просто нервной. Трудно жила и все время нервничала по этому поводу, раздражаясь до слезливых женских истерик. Словно никак не могла привыкнуть, что жить вообще трудно.

Отец женился на матери, когда Сереге уже исполнилось пять лет. Так получилось. Это отец всегда объяснял – «так получилось», разводя руками для убедительности.

В принципе у отца все в жизни получалось именно так. Проще сказать, все через жопу. Это Серега тоже понял потом.

Первое время, лет до четырех, маленький Серега жил вдвоем с матерью. Сразу после рождения Сереги отец уехал работать в Норильск. За длинным рублем на обзаведение бу-

душей семьи. Длинный рубль оказался к тому же долгим, отец слал оттуда деньги и письма, но возвращаться не торопился.

Сергея помнил, как мать, часто прижимая его к себе, непонятно говорила: «У бати нашего кто-то завелся». Потом убегала плакать на кухню.

Она много плакала в те времена. Это тоскливое ощущение, когда она плачет, прикрыв дверь за собой, а он один в комнате, и ему тоже хочется плакать от жалости, бессилия и страха перед пустым, необъятным пространством, Серега навсегда запомнил. Наверное, это было одно из первых детских воспоминаний.

Отец был сварщиком. Причем – хорошим. Друзья-приятели по сварочному цеху прямо говорили – мол, золотые руки у тебя, Иван. Правда, все время выпивали при этом.

Когда он родился, отец с матерью были не расписаны. Это в детском саду ему объяснили, что некоторые родители женятся друг на дружке, а некоторые живут просто так, как «нерасписанные». Это не совсем настоящие родители. Вроде родители, а вроде и нет. Сейчас они есть, а завтра их нет.

По поводу отца Серега не переживал, он его не знал тогда, знал только, что он где-то есть. Видел на фотографиях, мать показывала. Но то, что не будет матери, его очень расстраивало. Несколько раз ему снилось, что ее не стало, и он просыпался в слезах. Успокаивало его только логическое изображение, что ведь это же его мать. Поэтому с ней ничего не

может случиться.

Мать работала на мебельной фабрике. Полировала мебель. Руки у нее всегда были шершавые, изъеденные химией, как она сама говорила. В ванной было полно всяких тюбиков и баночек с кремами, которыми она по несколько раз в день смазывала руки. Маленький Серега любил с ними играть, мать на него за это ругалась.

В то время к ним домой часто приходили ее подруги по цеху. Горластые квадратные тетки, с жесткими, как клещи, руками. Они тискали маленького Серегу, пили водку, закусывали шпротами и колбасой и часто громко пели «Виновата ли я...». Он никак не мог понять, в чем они все виноваты?

У них тоже были шершавые руки. Изъеденные загадочной химией. Химия представлялась маленькому Сереге большой коричневой жабой, противной и в пупырышках, которая прячется под мебелью, а потом выпрыгивает и хватается за руки мать и ее подруг. Страшная штука химия. Даже по ночам снится.

С отцом мать тоже когда-то познакомилась на фабрике. Он там колымил. Серега не понимал этого слова, но оно ему нравилось. Красивое слово.

Может, колымить – это выгонять жабу-химию из-под мебели? – рассуждал маленький Серега. В таком случае понятно, почему отец не возвращается. Поссорился с жабой, а теперь боится ее, прячется на далеком севере, где, как утверждают, снег идет даже летом...

А потом отец вдруг вернулся. Большой, шумный дядька, который курил на кухне вонючие папиросы и иногда ругался словами, называвшимися в детском саду плохими. Серега сначала никак не мог привыкнуть, что в их квартире поселился еще кто-то.

Каких-то денег отец на Севере действительно заработал, они с матерью расписались и обменяли ее однокомнатную квартиру на двухкомнатный кооператив. Теперь заживем, Григорьевна, часто повторял отец, и мать радостно кивала, преданно глядя ему в глаза. Она больше не плакала.

Хорошее было время...

У Сереги появилась своя, отдельная комната.

До этого он спал за шкафом. Большой мебельный шкаф отгораживал его кровать от телевизора. Это было очень обидно. Мать с отцом смотрели по вечерам телевизор, а его, Серегу, укладывала спать за шкаф. Но он все равно не спал. Слушал голоса и сам придумывал себе изображение. Это тоже оказалось интересным занятием.

– Убери игрушки, – велел ему как-то отец. – А то придет Фиолетовый гном и все у тебя унесет.

Таинственная личность Фиолетового гнома Серегу сразу заинтересовала. Тем более, что эта личность явно нацеливалась на его игрушки.

Отец рассказал ему, что вообще-то он не злой, Фиолетовый гном. Только любит проказничать. Прямо как малень-

кий Серега. Может утащить игрушки и спрятать. Потом, конечно, отдаст, но ведь это будет потом. А игрушки нужны сейчас. Так что лучше сразу убрать!

Ложась спать, Серега проверил, не спрятался ли в шкафу или под кроватью Фиолетовый гном. На всякий случай положил на ящик с игрушками тяжелую книгу. Так надежнее.

На следующий день Серега узнал, что Фиолетовый гном живет в замке. Там многие живут, и он вместе с ними. Сам он маленький, гном потому что, и одет всегда во все фиолетовое. Поэтому его все зовут Фиолетовый гном.

Еще в замке живет прекрасная принцесса Фердинанда. И ее отец – Главный Король. Он самый главный в замке, как и положено королю. А неподалеку от замка, за зеленой горой и голубой рекой, живет страшный дракон Краказуб. Его все боятся, даже Главный Король. Один Фиолетовый гном его не боится, потому что дракон хоть и страшный, но глупый. Фиолетовый гном много раз его обманывал.

Отец был, вообще, выдумщик. Веселый он был человек, как понял Серега, когда вырос.

Мать не была веселой, наоборот, выглядела всегда излишне озабоченной. Поводы для беспокойства она умела находить со страстью археолога-энтузиаста. «Я сегодня ночь не спала, все думала...» Серега часто слышал от нее эту фразу. Ночь-то она, конечно, спала и даже похрапывала. Серега сам слышал, когда зачитывался до утра каким-нибудь детективом. Но периодически храп затихал, видимо, она про-

сыпалась и продолжала свою тяжелую думу. Поводом для ее беспокойства могло быть все, что угодно: Серегины двойки, повышение цен, международная обстановка. Неважно! Главное – повод.

Странно, как они сошлись с отцом, такие разные по характеру люди, думал потом Серега...

Отец был интересным человеком. С биографией, как тогда говорили. Правда, биография у него складывалась до определенного предела, а потом начались просто факты. Так отец говорил.

Серега узнал, родителей отец потерял в войну и воспитывался в детдоме. Понятно, что такое послевоенный детдом – шпана полуголодная. Мелкие кражи по рынкам, самодельные финки, орлянка, карты под руководством более старших, уже приклатненных приятелей. Воспитанники часто уходили с интернатских коек прямо на тюремные шконки, не успевая хоть как-то определиться в жизни.

Он – сумел определиться, рассказывал отец. Вырвался из этой кузницы уголовных кадров. Отучился в ремесленном, подготовился и поступил в летное училище. Окончил его и стал военным летчиком, офицером. Летал на истребителях МИГ, быстро дослужился до звания капитана и должности командира эскадрильи.

Серега видел, много раз рассматривал побуревшие от времени фотографии, на которых отец запечатлен со своими то-

варищами-летчиками, в форме и при погонах. На фотографиях у него были веселые, независимые глаза и гладкое, молодое, худощавое лицо. Независимое выражение глаз оставалось у него всегда, но они уже не были такими веселыми, а лицо – таким молодым.

Его военная карьера окончилась в Корее. На этой малоизвестной войне отец получил орден и тяжелое ранение. После госпиталя его комиссовали из армии по состоянию здоровья.

Скорее всего, неожиданная демобилизация сломала его. Конечно, сломала, понял потом Серега. Иначе как можно объяснить тот факт, что при своем высшем, хоть и военном, образовании он всю оставшуюся жизнь работал простым сварщиком, даже на бригадира не соглашался, словно назло кому-то. Ведь мог бы, если бы захотел. Мать сто раз говорила об этом – мог! Но он не хотел. Потерялся батя, оставшись без своего неба...

Серега плохо помнил, слишком маленький был, зато мать часто рассказывала: отец мог прийти вечером с работы злой как собака, неожиданно покидать в старый рюкзак несколько трусов и рубашек, обругать матом жизнь и отправиться, например, в Сибирь, на заработки. Или в Среднюю Азию, или на Дальний Восток, или еще куда-нибудь. Через две-три недели он возвращался, неизменно сообщая матери, что везде хорошо, где нас нет. Единственной его долгой поездкой оказался Норильск. Наверняка у него там кто-то был, – предполагала мать, мрачней лицом. Маленький Серега долго не

мог понять, что она имеет в виду. Кто у него мог быть: щенок или кот, или, может, черепашка? – недоумевал он.

Зачем отец уезжал? За заработками? Вряд ли, сварщик шестого разряда на номерном, военном заводе и в Москве получал тогда в разы больше любого инженера, думал Серега, когда повзрослел. Кроме того, отец не был жадным до денег. Серега с детства запомнил его любимую поговорку: что отдал – твое, что спрятал – потерял. Маленький Серега никак не мог этого понять, он-то твердо знал, если отдашь – назад можно не получить, а если хорошенько припрятать, всегда можно вытащить, когда захочется.

Только потом, уже взрослым, Серега узнал, что это не поговорка, а цитата из Омара Хайяма. Отец, вообще, говорил много такого, что потом оказалось цитатами. Значит, много читал... И еще Серега понял со временем, что отец ездил не за деньгами. Он просто ездил. Не сиделось ему на месте. Хотелось чего-то. Чего? А знал ли сам отец, чего ему хочется? Или просто пытался вырваться из каждодневной рутины, раз за разом убеждаясь, что лучшей жизни все равно не найти...

В сущности, можно понять. Небо, авиация, реактивные полеты у границ атмосферы, близкий космос над головой, крупные звезды на груди и погонах... А вместо этого – завод за колючей проволокой, электросварка от звонка до звонка, друзья-забудыги, путь домой через магазин или пивной бар-автомат. «Ты здесь хозяин, а не гость, тащи с завода каждый гвоздь...»

Мать часто говорила об отце, что он хороший, но шалопутный. Такой уродился. Это было ее объяснение. Которое, как казалось Сереге, ничего не объясняло...

Постепенно маленький Серега подружился с Фиолетовым гномом. И перестал опасаться за свои игрушки.

Отец научил его, когда какая-нибудь игрушка пропадала, надо встать посреди комнаты, зажмурить глаза и громко сказать: «Гном, гном, ты взял мою игрушку, поиграешь и отдай». Эта магическая формула всегда действовала. Очень скоро игрушка находилась где-нибудь за шкафом или под кроватью. Гном всегда все возвращал. Поиграет и вернет.

Потому что Фиолетовый гном вообще-то добрый. У него добрые голубые глаза, смешной, как большая картошка, нос и широкая, до самых ушей улыбка. А на голове фиолетовый колпачок с колокольчиком. Когда гном ходит, колокольчик позванивает. Поэтому когда гному надо идти тихо, он придерживает колокольчик рукой.

Конечно, гном – взрослый, рассказывал отец. В том смысле, что может гулять, где хочет, и ни у кого не спрашивать разрешения. Но он – как ребенок. Так же любит играть, проказничать и веселиться. Все время выдумывает всякие шалости.

Маленький Серега мог без конца слушать истории про Фиолетового гнома. Про себя он уже решил, что вырастет, конечно, станет большим и сильным. Это нужно. Но взрос-

леть – точно не будет. Как Фиолетовый гном. А то эти взрослые живут очень скучно, Серега видел.

Отец, например, рассказывал ему на ночь про гнома, только когда возвращался с работы навеселе, за что мать на него ворчала. А Серега любил, когда отец навеселе, он так смешно начинал рассказывать и хохотал вместе с ним. Вот когда отец приходил на бровях – это было неинтересно. Он молча валился на диван и тяжело, прерывисто храпел до утра.

С утра мать начинала его пилить. Отец хмурился и отмалчивался. Мать в такое утро казалась очень злой. Но Серега слышал, как она говорила по телефону своей подруге, что отец выпивает, конечно, ну и что, все выпивают, зато он не буйный. Напьется и сразу спать. Значит, она сердилась на него понарошку, понимал Серега.

Любимая Серегина история была о том, как Фиолетовый гном разыграл страшного Кракозуба. Сказал ему, что за голубой рекой состоится слет главных драконов. А тот, дурачок, поверил. Полетел, изо всех сил хлопая крыльями. Тогда Фиолетовый гном пробрался в драконью пещеру и утащил у него главное сокровище – Волшебный Камень, исполняющий любые желания.

Волшебный Камень был небольшим, с кулачок, теплым и разноцветным. Принимал любимые цвета того, у кого он находился. Когда Волшебный Камень лежал в пещере у Кракозуба, то был черным и скучным камнем. А когда гном его взял, камень сразу стал фиолетовым и веселым. С тех пор

Фиолетовый гном, со своими друзьями Красным гномом и Зеленым гномом помогал всем в королевстве. Даже если их не просили об этом. Они сами приходили и помогали.

Эту историю отец часто ему рассказывал. И всегда по-разному. Серега даже сердился. Отклонения от канонов он не приветствовал, поправлял отца.

Однажды Серега рассказал про Фиолетового гнома другу по детскому саду Женьке Малышеву. Женька был уже почти взрослым, на полгода старше его.

– Это что! – отреагировал взрослый Женька. – Подумаешь, Фиолетовый гном какой-то. У меня отец три раза зеленых чертиков видел. Ему даже «скорую» вызывали...

Серега не растерялся перед авторитетом «скорой». Сказал, что зеленых чертиков каждый дурак может увидеть. Его отец тоже мог бы. Если бы захотел.

Женька обиделся и сказал ему, что он сам дурак. А Серега, не найдя слов, подобрал камень и кинул в него. Попал в голову, у того даже кровь пошла.

Сереге потом здорово досталось. В детском саду его три дня подряд ставили в угол на весь день. И дома от родителей влетело. Женькина мать специально прибежала жаловаться, кричала, что Серега растет уголовником.

С Женькой они долго не разговаривали. Недели две, наверное. Потом помирились, конечно.

2

Отец умер глупо. Нелепо как-то. Умер в заводском сортире. Хватили с приятелем какой-то дряни на опохмелку. Перекурили это дело. Потом отец сел на толчок и отключился. А потом – умер. Так рассказывали.

Вообще-то, отец не то чтобы сильно пил. Другие и побольше закладывали. Но любил это дело. Только где взять, если завод режимный? Через проходную не побежишь, от звонка до звонка не выпустят без специального пропуска, а забор не только с колючей проволокой, но и с вышками охраны. Вот и мутили они «Борис Федоровича», как называли рабочие клей «БФ». Тащили со склада, очищали хитрыми способами и пили в цехе. Новая партия клея оказалась экспериментальной, со специальными морозостойкими добавками. Приятеля смогли откачать в реанимации, а отца – не успели.

Отец с матерью прожили вместе чуть больше двух лет.

На кладбище собралось много народа. Все говорили об отце, хорошо говорили, Серега с удивлением узнал, какой хороший у него был отец. Выдающийся просто. А он и не замечал. На красных подушечках несли ордена и медали. Целых пять подушечек. А Серега и не знал, что у него такой геройский отец...

Он не плакал. Было холодно, начало декабря, дул сильный студеный ветер, и с неба сыпалась острая как иголки позем-

ка. Серега очень замерз. Ему хотелось назад, в теплый автобус. Но он все равно не плакал.

– Иди, поцелуй отца, – сказала ему мать, перед тем как красивый красный гроб начали опускать в могилу.

Серега приложился губами к белому лбу и тут же испуганно отдернулся. Лоб был холодный и неживой. Это его поразило, насколько он был неживой. Как будто целуешь скамейку на улице.

Потом мать сама упала на гроб и запричитала. Серега смотрел на нее с удивлением, это выглядело как-то ненатурально, словно в театре, куда его уже несколько раз водили.

Мужчины взялись оттаскивать мать от гроба, но долго не могли оттащить. Сереге было стыдно и неудобно за нее.

Сиротинка ты, сказали ему после похорон, уже в автобусе, когда они возвращались с кладбища. Серега не сразу понял, что это он теперь сиротинка. А поняв, изумился. Неужели действительно он? До сих пор сиротинки встречались ему только в сказках. Сказочных сирот всегда обижали все, кто ни попадя. А кто его обижал? Может, теперь начнут обижать? – испугался он.

– Бесчувственный ты какой-то, – упрекнула его мать после похорон.

Маленький Серега смотрел на ее распухшее от слез лицо под непривычным черным платком и не понимал, почему он бесчувственный. Ему было жалко отца, жалко мать, но больше всего хотелось вернуться к новенькой пожарной машин-

ке, которую подарил ему перед похоронами сосед, дядя Виталик. Там так здорово выдвигалась игрушечная лестница, на которую можно было сажать солдатиков.

Машинку дядя Виталик привез ему из-за границы, куда часто ездил на своей фуре. Он работал водителем-дальнобойщиком.

– На тебе, – сказал дядя Виталик Сереге и подарил. Так просто. Как обычную конфету.

Машинка была новенькая, блестящая, с наклейками и иностранными надписями. Одну наклейку Серега случайно оторвал и чуть не заплакал от обиды. Пробовал приклеить канцелярским клеем. Но она все равно отпадала.

Хороший сосед дядя Виталик...

Потом были поминки, где взрослые, как обычно, много пили и много ели, набившись битком сразу в две комнаты. Серега нашел для себя и своей машинки укромное место под столом и только там всласть с ней наигрался.

Что отца больше нет и никогда не будет, он понял лишь ночью, уже лежа в кровати, когда взрослые разошлись, а мать, потухшая и остро пахнувшая вином, уложила его спать. Серега лег в теплую постель, взбил подушку, завернулся в уютное одеяло и вдруг вспомнил, что отец остался на промозгом кладбище. Что ему там холодно, одиноко и, наверное, страшно в темноте.

Тут он вспомнил, что отец умер и, значит, ничего не чув-

ствует – ни страха, ни холода... Умер? Эта мысль вдруг ударила его словно электрическим током. Умер! Навсегда? Навечно? Значит, его больше нет и никогда не будет?

Никогда... Страшное слово, слово-паук, оплетающее своей паутиной и угрожающе шевелящее огромными мохнатыми лапами...

Тогда он заплакал. Долго плакал, тоскливо, безнадежно, взхлеб, вздрагивая и икая от подступающих рыданий. Серега помнил, он старался плакать неслышно, чтоб не услышала мать и кто-то из родственников, оставшихся ночевать в соседней комнате. Ему казалось стыдным рыдать, как девчонка, на глазах взрослых. И остановиться он уже не мог. Подушка скоро стала мокрой от слез, было холодно и противно лежать на мокрой подушке с размазанными по наволочке соплями. Где-то в глубине мелькнула мысль переложить подушку другой стороной, но он специально не стал этого делать. Чем хуже, тем лучше!

Умер! Навсегда! Навечно! И что теперь думать про какую-то подушку?

Он не помнил, как перестал плакать и уснул наконец. Наверное, не скоро перестал. А уснул без снов, провалился в глухое, черное забытье и открыл глаза только поздно утром. Сразу вспомнил свои вчерашние слезы и обнаружил, что подушка так и не высохла. Пришлось быстро вскакивать и убирать постель, пока мать не заметила. Тогда это почему-то казалось очень важным: чтоб никто не заметил его горя.

Почему?

Он никогда не мог ответить на этот вопрос. Впрочем, особо и не пытался. Просто помнил, как это было...

После похорон в квартире стало пусто и тихо. Слишком пусто и слишком тихо. К этой ватной, печальной тишине Серега долго не мог привыкнуть. Квартира сразу стала какой-то огромной. В ней можно было потеряться. Навсегда! Серега начал бояться в ней потеряться...

От поминок на серванте осталась полная рюмка, прикрытая корочкой хлеба. Водка в ней постепенно убывала. Серега каждый день следил, как она убывает. Он знал, мать рассказывала, что это отец отпивает. По чуть-чуть.

Лучше бы отец выпил все сразу, залпом, смешно сморщив нос, как всегда это делал, думал Серега. И вернулся бы к ним. И опять рассказывал бы интересные истории про Фиолетового гнома и его друзей. И ласково смотрел бы на него смешливыми серыми глазами, морща большой покатым лобом намечающимися залысынами.

Ведь бывает же, что люди умирают, а потом оживают, рассуждал маленький Серега. Потому что случилось чудо. Случилось и все. Разве мало случается чудес на свете? Во всех сказках про это пишут. Есть живая вода, есть вещие птицы, есть добрые волшебники, способные оживить человека одним прикосновением, мало ли...

Часто, на подходе к подъезду, ему вдруг начинало казаться-

ся, что чудо уже случилось. Отец вернулся. Сидит дома и ждет Серегу. Тогда он начинал торопиться домой. Вбегал по лестнице быстро, изо всех сил. Лихорадочно давил на звонок. Но дверь открывала мать. И Серега опять входил в огромную пустую квартиру, в которой можно было навсегда потеряться...

Мать опять начала плакала по вечерам, запираясь на кухне. Серега это знал...

Когда он понял, что отец больше никогда не вернется? Серега потом не мог вспомнить. Понял и все. Со временем. «Время лечит горе и ровняет могилы». Где-то он, повзрослев, вычитал эту фразу. Она ему понравилась. Много объясняет...

3

В школу Серега пошел с удовольствием. Ранец, форма, отметки в дневнике – все это делало его почти взрослым, казалось Сереге. Но удовольствие быстро прошло, а школа осталась...

В школе он получил обидное прозвище Тюбисрай. Нет, клички в классе были почти у всех: Жека, Пузырь, Чика, Банан – все нормально, никто на такие вещи не обижался. Все старшеклассники называли друг друга по прозвищам, и они, мелочь, быстро начали им подражать.

И все-таки Тюбисрай – это было как-то очень обидно, хотя Серега тогда не мог объяснить почему.

Вообще-то, для друзей по классу он был просто Кузей. Как все. Как детсадовский друг Женька – Жекой, а Сашка Чиканов – Чикой. Но все знали, что он еще и Тюбисрай. Когда он ссорился с кем-то, это прорывалось.

Прозвище Тюбисрай придумали старшеклассники. Наверное, из-за его роста. Серега был выше всех в классе, поэтому, когда старшеклассники вытрясали мелочь из карманов младших ребят, ему всегда доставалось по шее. Для профилактики, как самому здоровому, чтоб остальные страх не теряли.

Одного из них Серега особенно ненавидел. И боялся так, что просто все обрывалось внутри, когда его замечал. Стар-

шкеласники называли того Кучей. Кучинин, если по фамилии. Толстый, противно веселый, глаза голубые, щеки круглые и румяные. Он все время улыбался, просто был какой-то ненормально улыбочивый, этот Куча. Его ехидная, толстогубая улыбка еще долго снилась Сереге в кошмарах.

Мимо Кучи никогда нельзя было пройти просто так.

– Саечку или сливку? – демократично предлагал тот, поймав за шиворот очередную жертву из младших.

В результате жертва получала и «саечку»: пальцами под подбородок, и «сливку»: выкручивание носа, и еще пинка под зад.

Серегу Куча особенно не любил. Просто прохода ему не давал. Тюбисрай, сюда, Тюбисрай, стоять, Тюбисрай, пулей полетел... Потом, когда вырос, Серега понял, что Куча был садист по натуре. Видимо, Серегино молчаливое сопротивление, набычившийся взгляд исподлобья, злые глаза, опущенные к полу, ему особенно нравились. Возбуждали, как теперь говорят.

По ночам, лежа в кровати, Серега часто мечтал – вот неожиданно, совсем вдруг, в школе появится Фиолетовый гном. С Волшебным Камнем, который он забрал из пещеры дракона Кракозуба. Он с удовольствием представлял себе, как вытянется толстая рожа Кучи, как тот сначала будет наглеть по привычке, а когда Фиолетовый гном достанет Волшебный Камень, Куча станет ползать по полу и умолять о прощении.

Это были приятные мысли. Настолько приятные, что казались почти реальностью. После этого Серега даже начал меньше бояться Кучу. А кто сказал, что сказки не могут превратиться в реальность? Как любят говорить в сказках: в один прекрасный, самый прекрасный день...

Маленький Серега все еще верил, что один прекрасный день вдруг наступит...

Кучу посадили, когда Серега уже учился в третьем классе. Его и еще одного старшеклассника – они вместе обокрали киоск «Союзпечати». Отправили в специнтернат, рассказывали в школе. Когда их поймали, выяснилось, что это была уже не первая кража. Серега еще не понимал, что такое специнтернат, но главное, Куча исчез из его жизни. Словно сразу стало легче дышать.

По тем добропорядочным временам история получилась громкая и скандальная, помнил Серега. За это даже сняли директора школы. Серега, хоть и был совсем маленьким, но хорошо его запомнил. Мужчина богатырского роста и в строгих роговых очках. Им, младшеклассникам, он казался просто великаном. Они пугались его даже издали. Но он был добрым. Серега это точно знал.

Однажды Серега прилепил к стенке присоску и отодрал ее вместе с куском штукатурки. Директор как раз проходил мимо. Серега испугался, думал, все, конец ему пришел прямо на месте. А тот ничего не сказал, только по голове его

погладил. Даже странно, показалось Сереге, такой огромный и такой добрый...

Новую директрису ненавидела вся школа. Раньше она была завучем. Ее уже тогда ненавидели. Она была вредной. От вредности даже сохранила девичью стройность фигуры, казалось им. Преподавала она алгебру и геометрию. Директриса – это такая крыса, которая бежит по углам и делит школьников пополам. Это они придумали. Когда начали изучать геометрию. Впрочем, до них наверняка говорили то же самое...

Когда Серега подросток, он несколько раз побывал в кабинете у директрисы за всякие провинности. Она не повышала голоса, не кричала на учеников, она их отчитывала. Долго и нудно, часами, выматывая душу, как зубная боль. А в конце доставала большую черную тетрадь, куда записывала, кто и что натворил. Говорила, вот придет вам время вступить в комсомол, поступать в институт, получать характеристики... Вот тогда все ваши провинности и припомнятся! Вы все, мол, в этой тетради как на ладони! И кто ножницы в классную доску кидал, и кто ведро с водой пристроил над дверью, и кто курил в школьном туалете...

Вредная все-таки была тетка. Впоследствии, вспоминая ее, Серега думал, может, она была старой девой?

Сергея окончательно перестал быть Тюбисраем к седьмому классу. Стал просто Кузей. Ничуть не обидное прозвище. Он тогда вытянулся еще больше, много занимался спортом, начал расти не только вверх, но и вширь. Стал самым сильным не только в своем классе, но и в параллельных. Даже девяти-десятиклассники его больше не задевали.

Тренер по штанге был от него в восторге. Тренер по боксу относился к нему сдержаннее.

– Здоровый ты парень, – часто говорил ему тренер по боксу, – вырастешь, будешь совсем здоровым. И руки у тебя – кувалды, удар уже сейчас тяжелый, как у взрослого мужика... Только, скажу тебе без обид, чемпиона я из тебя не смогу сделать. Не возьмусь. Для настоящего бокса уровня мастеров чего-то в тебе не хватает... Игры, может быть... Курража, что-ли, как это цирковые называют. Слишком уж ты прямолинейный. Прешь, как бульдозер на стену, и все дела, только за счет здоровья выезжаешь...

Нет, Серега его не понимал тогда. Обижался даже. Он с одинаковым удовольствием занимался и боксом, и штангой. Тренировки, нагрузки радовали его сами по себе.

Хотя тренер по боксу был решительно против штанги. Штангистов он презрительно называл лаптями. Говорил, что штанга замедляет движения. Это был еще один минус про-

тив гипотетического Серегиного чемпионства.

Тренер-штангист презрительно называл боксеров бабочками. Этот обещал быстро сделать из Серегу мастера спорта, а то и чемпиона, если тот постарается. Подразумевалось, если Серега бросит бесполезный бокс и целенаправленно займется наращиванием мышечной массы.

Как-то раз тренер по штанге повел всю их группу на взрослые соревнования. Это был чемпионат СССР. Проходил он в спорткомплексе ЦСКА. Зал был красивый, хорошо оборудованный, но небольшой. Серегу удивило тогда, какая в зале стояла вонь. Оказалось, штангисты-чемпионы, поднимая свои рекордные веса, откровенно пердят. Очень даже отчетливо. Иногда на весь зал. Сначала их группа расположилась почти у самого помоста, но по мере накала спортивной борьбы, когда атмосфера в зале стала сгущаться, начала перекочевывать к задним рядам.

Нет, становиться штангистом Серега не хотел. Целенаправленно наращивать мышечную массу представлялось ему достаточно нудным занятием. Он вообще не связывал своего будущего со спортом. Просто помнил садиста Кучу и с удовольствием становился все сильнее и сильнее.

5

– Ты у меня мальчик простой, но добрый, – часто говорила мать, поглаживая его по голове.

Серегу всю жизнь не любил, когда его гладят по голове. Шуршание собственных волос под чужой рукой раздражало, но мать, похоже, этого так никогда и не усвоила.

Простой, но добрый? С чего она взяла?

Маленький Серегу быстро научился читать. Это, пожалуй, было единственное, чему он научился в школе с удовольствием.

Читать для себя он начал где-то со второго класса и очень скоро читал все подряд. Все что мог выкопать в школьной библиотеке. Ему все нравилось. Лучше – про всякие приключения. Запоем читал, другого слова не подобрать. Сколько раз приходил домой, разогревал оставленный матерью обед и открывал книгу, говоря себе, что только немножко почитает за обедом. С тем, чтобы через полчаса честно сесть за уроки. А потом – за окнами уже темно, мать вот-вот вернется с работы, а уроки, естественно, не сделаны.

Кошмар, конечно. Наваждение какое-то. Остается только наскоро разбросать учебники по столу и сделать вид, что ты занимался. Может, повезет, и у матери не будет сил его проверять. Она часто приходила с работы без сил. Чем дальше, тем чаще.

Так Серега стал твердой классной «камчаткой». Из тех, про которых сами учителя говорили – три пишем, два в уме. Впрочем, ничего другого от него никто и не ждал, это он уже тогда понимал. «Мальчик простой, но добрый...» «Звезд с неба не хватает...» «Старается, учится, как может, что с него взять...»

В общем, в школе было неинтересно. Если разобраться, думал потом Серега, все свое образование он получил из книг. Именно привычка к чтению дала ему правильную речь, и словарный запас, и фантазию, и логику, и способность к абстрактному мышлению. Впоследствии, общаясь порой с очень образованными людьми, признанными авторитетами не в распространенном криминальном смысле, а в более узком – научном, Сереге удавалось говорить с ними без всяких скидок на свое очень среднее образование...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.